

Виктор Ааб

СНЫ О СНЕЖНЫХ ГОРАХ

ВИТЬКА

Глава 1. Беззаботная жизнь

Витька жил счастливой, беззаботной жизнью. Ну, не то чтобы совсем беззаботной, в большой семье так не бывает. А семья у него была — о-го-го! Мать с отцом, старшая сестра, сам — он, неполных двенадцати лет. И за ним, вслед — мал, мала, меньше — ещё четыре брата. Как тут без забот обойтись! Отец днями пропадал на работе в чертовом колхозе, так мать его обзывала, зарабатывая трудодни. Сама же мама работала дома. Село, в котором они жили, хоть и было довольно большим, но для женщины, чтобы найти работу, так, чтобы от дома поблизости находиться — было почти нереально. По пальцам пересчитать, было таких рабочих мест на селе. Все больше требовались полевые рабочие, свеклу, кукурузу таяпкой полоть, на току с зерном управляться. Тяжела женская доля. Утром, как уйдешь в поле и таяпай там траву с длиннющей грядки до конца дня светового. А дома-то у матери шесть ртов, шесть непосед за которыми пригляд и пригляд нужен.

Отец по дому маме практически не помогал. Работал механизатором, отдавался работе полностью, изматывался основательно. Колхоз располагался в соседнем селе, и было до него километров пять расстояния. Бывало, приезжал отец домой на тракторе и оставлял его дома, ночевать во дворе, а чаще всего, и на работу и с работы ходил пешком, что добавляло усталости.

Село, в котором жил Витька, принадлежало военному совхозу «Бурненский» — крепкому, основательному хозяйству, и подавляющее число его жителей работали в этом совхозе и назывались рабочими. А отец Витьки как бы в селе был чужим, был колхозником, и ощущалось в этом звании что-то унижительное. Витька чувствовал это.

На глазах улучшалась жизнь на селе у совхозных рабочих. И зарплату живыми деньгами люди получали, и подворье домашнее помогал сельчанам совхоз содержать, выписывая в потребном количестве сено, и фураж для скота. Богатый был совхоз. Руководил им талантливый управленец со смешной фамилией — Чигринец. Фамилия конечно смешная, но был директор совхоза, между прочим, Героем социалистического труда.

Надежно и полновесно обеспечивал военный совхоз «Бурненский» Туркестанский военный округ сельскохозяйственной продукцией. В основном, —

картофелем. Обильные урожаи выращивал на своих полях. И в жаркую страдную пору благодарная армия выделяла в помощь совхозу армейские подразделения, которые помогали урожаем собирать.

Разворачивались солдаты лагерем на живописной поляне недалеко от совхозного механического двора. Развертывали палаточный лагерь у большого проточного арыка, в котором не иссякала вода. И пропадала, вертелась возле таинственных палаток детвора, надеялась, что кто-то из солдат пожелает познакомиться, станет другом, и в знак дружбы одарит сорванца звездочкой или эмблемой, погонями с лычками, а если очень повезет, то и настоящей солдатской панамой — с металлическими дырочками на макушке. Это — чтобы голове не было жарко. И за эти атрибуты солдатской жизни пацан — счастливеец, готов был часами помогать военному другу в его дневальной работе на кухне — специальным скребком очищать от кожуры картофель, которым необходимо было наполнить огромный металлический чан.

Много картофеля требовалось, чтобы приготовить обед или ужин для всей солдатской братии. И так получалось, что дружбу с пацанами пытались завести именно те солдаты, которые часами эту картошку в кастрюли у арыка и чистили. А еще, бывало, они угощали друзей своих

солдатской кашей, кушать которую надо было прямо из солдатского котелка. И не было вкуснее для Витьки пищи...

Отец тоже работал в совхозе, но это было в прошлом. Мать и тетка говорили, что был он там очень ценным специалистом по тракторам, но почему-то повздорил с директором, да так, что хлопнул дверью и уволился.

— Гордый какой! — ворчала мама, — и кому что доказал? Вот и мучайся теперь в этом бесштанном колхозе вместе с детьми! Обиделся он, видите ли... Скажи вот, — чем детей кормить, одевать?...

Отец не огрызался, иногда бросал с досадой — ладно, хватит бурчать, и добавлял с уверенностью — наладится жизнь в колхозе, обязательно наладится, надо просто немного потерпеть.

— Терпель-ль-щик! — тянула мать. И сквозила в её голосе досада. — Детям скоро в школу не в чем будет ходить. Стыдно перед соседями. Все у нас не так как у людей...

Отец уходил в себя, на упреки не реагировал, и мать боль выплеснув, утихала. Очень редкими были перебранки такие, а когда, и быть-то им — рано, чуть свет на дворе, уходил отец в свой колхоз, и лишь затемно возвращался. И без суббот работал, без воскресений...

Колхоз действительно на фоне успешного военного совхоза был бедненький. Но самым неприятным было то, что не выдавал он зарплату колхозникам деньгами, весь труд оценивал в трудоднях, и рассчитывался за эти трудодни натурой — зерном, сахаром, яблоками и арбузами. Это было по завершении уборки урожая, и тогда наполнялся коридор Витькиного дома десятками мешков с пшеницей, и еще — крупным зернистым сахаром. Колхоз в качестве основной культуры выращивал сахарную свеклу, которая перерабатывалась в районном центре, на сахарном заводе, в белоснежный вкусный песок. И тоже, добрый десяток мешков со сладким богатством, тесно уложенным в отдельную горку, подолгу занимал скудное коридорное пространство.

Количество мешков постепенно таяло, нужды экономить не было — и муки и сахара заработанного отцом с лихвой хватало на весь год. Зерно перемалывалось в муку на местной мельнице, и мать из неё — раз в неделю выпекала в печке, отдельно во дворе устроенной, караваи хлеба. И был этот хлеб, особенно сразу после выпечки — теплый и душистый и особенно желанный. А если отрезанный ломоть его, макнуть в воду — а потом, мокрой поверхностью — окунуть в мешок с сахаром, и еще, чтобы слаще было, щедро насыпать на влажную массу белоснежный толстый слой,

разгладить, что схватилось, зацепилось и не просыплется с краев, и откусив зубами вкусноту, на ходу её прожевывая — выбежать бегом на улицу, к друзьям-товарищам — блаженство-то какое! И уже кричит навстречу наиболее ушлый из них — сорок-восемь, — половину просим! И тянет ладонь — ломай, не жалей! И куда денешься — ведь не успел же крикнуть первым — сорок семь — сам съем! Рот ведь набит вкусным! — мгновенно не пережуеть и не проглотишь. Тому кусочек, тому... — и вот уже пусты руки. И не жалко совсем — доброе дело совершил — и сам перекусил, что успел, и друзьям удовольствие доставил!

А еще дома — кормилица корова с ласковым и красивым именем Зорька, — каждый день дает молока — целое ведро, и пей его, хоть залейся, все равно не кончается. И на масло и на сметану, и на творог — с лихвой хватает. И все это впрок детям — растите здоровыми и сильными, учитесь хорошо, и родителям по дому помогать не забывайте!

Витька и не забывает — в школе — передовик, одни четверки и пятерки по всем предметам в табеле. Мог бы быть и круглым отличником — но как-то неудобно перед товарищами будет. Скажут еще — вот задавала! Так Витьке кажется — и он не усердствует особо, — такой же, как все — и этим все сказано.

Летом и до поздней осени на Витьку

наваливается масса обязанностей. Мешок травы-клевера накосить, и на плечах с далекого поля принести, чтобы Зорька, пока мать её доит, не скучала и жевала что-нибудь. Двор, улицу подмести. Огород полить, и помочь матери картошку прополоть. Да мало ли еще чего хлопотному хозяйству сельскому, сделать надо. И все равно — времени, чтобы с друзьями на улице поиграть-побегать — достаточно у Витьки. Вполне беззаботная жизнь! Витька радуется жизни и все что он делает, совсем трудным не кажется. Потому что чувствует и твердо знает — родителям приятно, что он, старший из пацанов в семье, для них — первый помощник. Сестра — тоже! Но она — девчонка, и заботы у неё девчачьи. Хотя тоже — и за травой ходит, и в огороде работает, но все больше — по дому матери помогает, за младшим Васькой ухаживает. Витьке кажется, что все-таки его обязанности и труднее и главнее. Так кажется и все...

Зимой — тоже особо не поскучаешь. Навоз из-под коровы в стойле убрать, свинарник почистить. Уголь, кизяк принести, чтобы печка не прогорала, снег со двора вынести... Конечно, поменьше забот чем летом, но так зимой, ведь и день короткий. И все равно — хватает его, чтобы и уроки сделать, и на улице вволю нагуляться. А еще на санках покататься, и на льду, — без коньков, — а

просто в сапогах кирзовых — таких скользючих, что и устоять на них спокойно трудно, — в хоккее поиграть. Счастлив и беззаботен Витька. Набравшись впечатлений за день, довольный и усталый — валится ночью в кровать, на набитый свежей соломой, полом пахнувший матрац, в которой рядом спит еще сестренка и в ногах валетом, — младший брат — Андрюшка. Засыпает мгновенно и летает, летает во сне. Падает в бездну, замирает, нет, не от страха, а от непонятного какого-то томления и все не может приземлиться никак. Мать говорит, что это растет он так...

И лишь одно обстоятельство иногда огорчает Витьку. Он вдруг замечает, что все чаще его одноклассники приходят в школу в обновках. Видит, что у уличных друзей, как-то вдруг, исчезли заплатки со штанов, и лишь один он все носит одни свои единственные штаны. Все носит и носит. И если раньше аккуратные заплатки были только сзади — то вот совсем недавно появилась прореха впереди, на коленке и как мама ни пыталась незаметным швом её заштопать — так и не получилось у неё ничего из этой затеи. И потому, хоть совсем маленькая, но появилась на Витькиных штанах ещё одна, третья по счету заплатка. Кажется Витьке, что все в классе только и смотрят на его штаны — и ему почему-то стыдно от этого. Он прошмыгивает к парте и затихает на ней, сидит

безвылазно даже на переменах. Потом, — ну разве можно долго удержаться от участия в мальчишечьей колготне, — вдруг, увлекается, забывает обо всем, и лихо вклинивается в их забавы. А дома пытается канючить — все вот в целых штанах ходят, и только он один — с заплатками. Не пойду в школу!

Мать обнадеживает, ну потерпи еще немного сынок. Вот скоро зарежем поросенка, продадим мясо соседям, и тогда непременно, куплю я тебе штаны. Куплю обязательно, потерпи сынок! И Витька терпит, он усвоил уже — отцы его товарищей деньги за работу в совхозе получают, а отец его — трудодни! И ничего с этим не поделаешь. А школу пропускать он не будет, об этом он просто так, для словца красного бросил. Ведь в школе — так интересно! Куда без школы...

Глава 2. Тетя Дуся

Совсем плохо было бы с одеждой, но у мамы есть родная сестра — тетя Дуся. Она старше мамы и живет в Москве и мама говорит, что есть у неё два сына и дочь и все они постарше Витьки. Мама с тетей Дусей часто пишут друг другу письма. А еще — тетя Дуся иногда присылает из Москвы большую посылку, и в ней вещи, из которых его двоюродные братья выросли. Немного поношенные, но это

совсем незаметно. Попадаются в посылке и совершенно новые рубашки. И даже куртки иногда присылает тетя Дуся. Особенно радуется посылке сестра Лиля. У тети Дуси дочь — тоже Лиля, и все её вещи, как правило, идеально подходят на сестру. А мальчишечью одежду мама делит — ведь и Саше надо и Володе. Они хоть и младше Витьки на два года — но ростом не очень отстают. А еще они — двойняшки, и хоть совсем не похожи, и характерами совсем разные, но держатся друг за друга — и водой их не разольешь. Витька иногда как старший брат пытается дать кому-нибудь из них тумака в воспитательных целях, так не всегда и получается — стоят двойняшки, выступают единой силой — попробуй, подступись! Вредными бывают иногда младшие братья — дразнятся, задирают, но Витька все равно их очень любит.

А зимой прошедшей тетя Дуся приезжала в гости. Витьку поразило — как она на маму похожа. Вылитая копия — только уставшая какая-то. Мама говорит, что у неё очень ответственная работа — и детей своих Генку, Леву и Лилю воспитывает она одна. А отец Витькиных братьев двоюродных и сестры — пропал без вести. Ушел и не вернулся. Вот ведь как бывает! И Витьке немного жалко своих далеких братьев, и сестру — которых он увидел на фотографиях привезенных тетей Дусей. Симпатичные пацаны. Лева — так еще и гитару в

руках держит, неужели играть на ней может?... А Генка — вообще — в училище Суворовском учится — офицером будет! Витьке завидно. Он тоже очень хочет пойти в армию, и непременно стать военным летчиком. Над его селом постоянно летают реактивные истребители, и бывает, совсем низко над землей. Аэродром военный расположился где-то за Джамбулом в песках Муюнкумовских. Красивые, серебристые, острокрылые — проносятся самолеты так низко, что звезды видать на крыльях, и даже — пушки и пулеметы. Вот бы Витьке на таких полетать! Витька, да и все пацаны, задрав головы, провожают их полет зачарованными глазами. Завораживают Витьку самолеты, и замирает сладко душа и захватывает дух...

Тетя Дуся не сидела в гостях, помогала маме, чем могла, — обеды и ужин готовила. Даже плов варила — совсем не такой по виду, какой Витька на базаре в райцентре ел, и который узбекским назывался, но тоже — вкуснющий — пальчики оближешь! Хорошим поваром оказалась тетя Дуся! А еще она просила маму, отпустить Витьку летом в Москву, в гости — заодно и с братьями познакомиться. Мама неопределенно пожимала плечами — далеко-то как! Маленький он еще... А Витька размечтался. В Москву поехать — кто из друзей его бывал там... Вот обзавидуются...

Уехала тетя Дуся в свою Москву. И зима,

всегда такая короткая в местах, где Витька живет, и весна, — очень быстро пролетели, и пятый класс школы Витька как обычно закончил, — хорошистом, без единой тройки в таблице. Вольница безмятежная наступила, и спать по утрам можно сколько захочешь. Живи — радуйся, в речке купайся, с обрыва пятиметрового в быструю её стремнину ныряй отважно вниз головой — сколько душа желает! Эх, хорошо-то как! А мама вдруг напомнила — ну что сынок, в Москву ехать ты еще не раздумал? Витька опешил и растерялся — как?! — Неужели такое и вправду может быть... Оказалось, может. И отец подтвердил — езжай Витя, посмотри на Столицу!

Случай подвернулся. Учительница Витьки по одному из любимых его предметов — истории, Лидия Тимофеевна, собралась в отпуск в гости к родственникам и дорога к ним непременно через Москву ведет. И согласилась она Витьку с собой взять, проследить за ним, вместе до Москвы доехать, а там, на вокзале Витьку тетя Дуся встретит. А о том, что Витька в гости едет, на каком поезде и в каком вагоне — мама её телеграммой известит!

Боязно Витьке. Он ведь дальше райцентра Бурное и не ездил никогда. И весь мир для Витьки, огромный, как ему, кажется, полностью вокруг и расположился.

На Западе, в восьми километрах, Бурное, и несколько раз ездил Витька туда с отцом на автобусе — потому, что огромный базар там. И торгуют на том базаре всем, чего душа пожелает. Были бы деньги в кармане. И корову можно купить, и барана, и просто — семечек стакан.

На Севере — горы Каратау, или — старые горы, как их все называют. Там Витька тоже бывал. Грибы собирал весной — белые, тюльпаны рвал... По виду и не горы это совсем, а просто — холмы. Но доберешься до макушки этих холмов, и ахнешь от неожиданности. Дальше на Северо-восток, как перевернутая пилотка солдатская, распоротая с одной стороны, вдруг неожиданно возникают самые настоящие горы. Отсюда, с холмов, зарождаются ущелья, уходят вниз, все углубляясь и углубляясь в землю. И теряются вдаль, разделяясь на части и образуя разбегающиеся в стороны все новые и новые расщелины, и расплываются в бесконечности. Если спуститься по ущелью совсем немного — замечаешь вдруг, что начинает исчезать небо, а слева и справа упирается взгляд в неведомо откуда возникшие каменные скалы, вверх отвесно уходящие. И если дальше бездумно просто идти от холмов, как с горки катиться вниз — не мудрено и заблудиться в этих старых горах. Витька спускался в эти ущелья. Еще бы! — ведь на дне их бегут прозрачные ручьи из многочисленных родников

образовавшиеся, а по берегам этих ручьев чего только не растет. И яблони дикие, и ежевика фиолетовая с соком внутри как кровь красная, и боярка сладкая и очень вкусная. А еще — в горах много змей. И все равно, тянут горы к себе и детей и взрослых, приманивают богатствами, красотой и удивительно пахучим воздухом.

А на Юге, за горной речкой с кратким хлестким названием — Терс, тоже уходит вверх постепенно земля и потом, резко упирается в такие огромные горы, за которыми и неба не видно, и на вершинах которых лежат и никогда не тают вечные снега. Часто прячутся вершины этих гор за облаками густыми, которые плавно плывут гораздо ниже их макушек. Витька знает — правильное название этих гор — Тянь-Шань, но все на селе их называют просто — снежными горами. Только в этих горах Витька еще не бывал, как и не бывал дальше перевала Куюк, возвышающегося на Востоке села. А там, за ним — в шестидесяти километрах, говорят, расположился город Джамбул. Витьке бы не мешало побывать сначала — в Джамбуле, да в горах снежных — а тут сразу — Москва! Ну и дела...

И все-таки Витька решается. А что? Он теперь фронт, можно сказать, настоящий. Мама, как и обещала, купила, наконец, Витьке новые штаны, и он теперь, ну прямо — монах в синих штанах! Не

хуже других смотрится! Не стыдно в таком виде и в Москве показаться. Вот только — и на поезде он никогда не ездил. Правда, на станции, в Бурном — ползал под вагонами через рельсы. Там за ними, на другой стороне от базара, магазины разные расположены. К ним — от автобусной остановки все под вагонами пробираются. Ползут на четвереньках, озираются по сторонам и пугают друг друга: — быстрее, быстрее, а то тронется сейчас поезд... А Витьке, так и не страшно совсем — он ловкий и шустрый, — успеет увернуться...

Отец на работе с утра, мама тоже от дел домашних оторваться не может. Торбу со всем необходимым Витьке в дорогу приготовила и поручила сестре Лильке проводить его к автобусной остановке, а там передать ожидавшей, и тоже собравшейся в дальний путь, учительнице. Учительница, оказывается с собой в путешествие ещё и внучку взяла — маленькую, совсем девчонку. Витька презрительно скривился, так, — чтобы незаметно было — тоже ещё — попутчица! Автобуса все не было и не было, а он уже почувствовал себя настоящим путешественником. И — полетели мгновения!

Глава 3. Путь в Москву

Автобус, наполненный людьми под завязку, в

Бурное бежал прытко, а Лидия Тимофеевна всё равно беспокоилась — боялась на поезд опоздать. Но обошлось. Ещё и ожидать пришлось поезда. А потом, побежали они вместе с толпой вдоль почти всей его длины, почти в самый конец, Лидия Тимофеевна протянула билеты строго оглядевшей их всех проводнице, и не заметил Витька, как внутри вагона очутился. И все там было так красиво, аккуратно и чисто, что Витька даже зажмурился от удовольствия. Ну, — прямо не вагон, а сказочная карета! Вот только лошадей запряженных не хватает. А билеты у них плацкартные оказались, — это когда у каждого пассажира есть отдельное место, где можно спать или лежать, хоть весь день, и так — до самой Москвы.

И пока озираясь Витька вокруг, присев за столик у окна, — поезд тронулся. Он ничего и не почувствовал даже, лишь случайно бросив взгляд в окошко, увидел как все быстрее и быстрее стали смещаться и убегать назад, за поезд, деревья, дома и люди. И — все чаще и чаще — тук-тук-тук, — застучали колеса, а появившиеся поля за окном стремительно увеличивались в размерах и становились все больше и больше. Витьке показалось, что они закружились в каком-то бесконечном танце, — вблизи исчезали из виду, а там впереди по ходу поезда как бы возникали из

неоткуда, и набегали на него, стремясь под поезд попасть. Ну, прямо круговерть настоящая.

И вдруг почувствовал Витька, как закружилась голова, стало очень жарко, и тошнота подступила к горлу. Поспешно отвернувшись от окна, вытер ладошкой взмокший от испарины лоб — и уперся взглядом в стенку, напротив. Впился в одну точку и ничего уже не хотел замечать, лишь чувствовал, как подрагивает вагон, и монотонно стучит в голове — тук-тук-тук... — тук-тук...

Между тем, Лидия Тимофеевна расстелила на матрацах свежие простыни, заправила в наволочки совсем крохотные, по сравнению с теми, на которых спал дома Витька, подушки и бросив взгляд на Витьку заметила его побледневшее лицо. Озабочено вскинулась и бросила участливо — потерпи Витя, это с непривычки, — укачивает. И скомандовала — ну-ка, давай, полезай наверх на полку и полежи немного. Сейчас все пройдет.

Витька вскарабкался наверх, улегся поверх одеяла, не раздеваясь, и затих как мышка. А вскоре, почувствовал — действительно, — полегчало, успокоился, и потянуло в сон... А потом, удобно улегшись на живот, оперевшись на локти и уткнув голову в ладони не уставал Витька больше смотреть в окошко, и не иссякало никак его любопытство.

Долгой оказалась дорога. Два дня, две ночи, а потом ещё и половину третьего дня добирался

поезд до Москвы. И удивлялся Витька той огромности страны, в которой посчастливилось ему жить, и называли которую учителя в школе, самой лучшей страной в мире. Сначала он увидел те самые горы, снежные горы, по подножию которых, замедлив ход, тяжело карабкался поезд, испуская от напряжения облака густого черного дыма. Потом, появились выжженные степи и даже — пески. Сладко проспав всю ночь под убаюкивающий стук колес, на второй день Витька проснулся от сильного грохота и увидел за окном море воды, раскинувшееся на всё видимое пространство, и оказалось — поезд грохотал по мосту железнодорожному. Сильно раскачивался. Витька забоялся даже, что он на полном ходу может свалиться с моста в это разлившееся внизу необъятное водное пространство и утонуть. Обошлось! Потом, Лидия Тимофеевна пояснила, что не море это совсем было, а великая русская река Волга. Витька вспомнил — об этой реке рассказывала географичка. На остановках в больших городах, через которые проезжал поезд, Витька из поезда не выходил — Лидия Тимофеевна не разрешала. Садился снизу за столик у большого окна и наблюдал за суетой на перроне, удивлялся большому числу собравшихся на перроне людей — и откуда они берутся, только! Во всей Бурно-Октябрьке огромной их и то — меньше! А

еще в поезде ему нравилось завтракать, обедать и ужинать. В торбе, которую приготовила ему мама, оказались и яйца, сваренные вкрутую, и сало и хлеб, огурцы с помидорами и даже бутылка с молоком, плотно запечатанная пробкой из газеты. А ещё — соль в спичечном коробочке. Лидия Тимофеевна всё это взяла под свой контроль, сложила вместе со своими продуктами, среди которых оказалось даже печенье. И всю эту еду кушали они вместе. Витька сначала очень стеснялся. Все казалось ему, что кушает он некрасиво, хотя точно знал, что не чавкает он никогда. И все равно — как-то неудобно было жевать при учительнице. Но Лидия Тимофеевна в поезде совсем не похожей была на ту — строгую, из школы, при которой только пискни попробуй во время урока. Доброй и заботливой оказалась Лидия Тимофеевна и Витька постепенно освоился. Вот только очень боялся, что разобьет нечаянно стакан из поезда. В этих стаканах проводница приносила им чай. Они были большие, тонкие и прозрачные, и чтобы не обжечься, от горячего чая — подавались в блестящих металлических подстаканниках. Такие стаканы Витька держал в руках впервые. Дома у него конечно стаканы были, но только граненные, толстые и грубые. Упадет на пол домашний стакан и даже не разобьется. А этот, кажется, в руках сломаться может. Чудеса, да и только.

На третий день Лидия Тимофеевна сказала, что скоро появится Москва, что пора собираться Витьке выходить. И начала беспокоиться и переживать, а не опоздает ли его тетя Дуся к поезду. И если вдруг это случится, — на кого она Витьку тогда оставит. А Витька и не думал переживать. Он не мог оторвать глаз от окна, за которым вот-вот должна была появиться Москва. Но долго-долго, по-прежнему, всё тянулись и тянулись перелески и деревни с деревянными домами. Чудно было Витьке — в его Бурно-Октябрьке деревянных домов никто сроду не строил, а всё — из самана, с крышами камышовыми. А еще чуднее, что все было зеленым вокруг, как бывает там, дома, только короткой быстротечной весной. Потом, выгорает вся трава на полях и в предгорьях от жаркого палящего солнца, и пшеницу, которая желтеет вся к началу лета, тоже — скашивают. А тут — растет, зеленеет она вовсю и кажется даже, что вряд ли к осени созреет. Зато красиво как! — и радуется сплошная зелень Витькины глаза. А еще — эти деревья, — высокие, мохнатые ёлки, много ёлок, и сосны раскидистые с толстыми коричневыми стволами, и шишками на ветках. Ёлку видит Витька один только раз — на Новый год в школе, и то, говорят, что она не настоящая. Не растут такие деревья в его селе и все тут. Все больше тополя пирамидальные, ростом

чуть до неба не достающие, а ещё вербы и джида. И оттого, что ели напоминают Витьке Новый год, не покидает его праздничное настроение. И все высматривает он когда появятся московские, большие многоэтажные дома, которые видел он на картинках, и может быть — даже сам Кремль. Но вот, засуетились все в вагоне, начали вещи собирать, чемоданы вытаскивать из-под полок. Лидия Тимофеевна тоже засуетилась, и отвлекла Витьку от окна. И не успел он оглянуться за всеобщей суматохой вокруг, как поезд замедлил ход, заскрипел тормозами и остановился. Лидия Тимофеевна проверила, не забыл ли Витька чего из одежды, сунула ему в руку полупустую торбу и подтолкнула к выходу. И только собирался еще Витька по ступенькам из тамбура спуститься на землю, а уже увидел тетю Дусю. Она стояла в сторонке, пристально вглядывалась в выходящих из вагона пассажиров и заметив, и узнав Витьку, улыбнулась ему и призывно махнула рукой, а потом, когда Витька спустился, обхватила его за плечи и прижала к себе. Витька смущенный не знал как себя вести — вот ещё нежности, но было ему приятно. Потом тетя Дуся побеседовала немного с учительницей и попрощавшись потянула Витьку за собой. Оказалось, что до её дома надо ещё ехать на автобусе. Витька знал, конечно, что тетя Дуся живет не в самой Москве, а в городе Волоколамске,

но он представлял, что это совсем рядом, а на деле всё оказалось не так. Целых сто двадцать километров надо было проехать ещё до Волоколамска на автобусе. И тетя Дуся, поэтому спешила. Была уже вторая половина дня, и на автобус нельзя было опоздать.

Автобус, на котором с вокзала они выехали в Волоколамск, Витьке тоже очень понравился. Он был совсем новый и нарядно покрашенный. Вообще-то он видел такие и у себя дома, только — издали. Видел на асфальтовой дороге за селом, по которой с глухим рокотом проносились они так, что земля вздрагивала, если близко у дороги стоять — из Алма-Аты в Ташкент и обратно. Но во внутрь такого автобуса он ни разу еще не заглядывал. А тут тебе, не только заглянуть, а сидеть и ехать надо. Тетя Дуся указала ему на отдельное место, прописанное в билете, и он тут же на него вскарабкался. И было оно просторным и удобным, и так высоко стояло, как впрочем, и все кресла в салоне, что головы людей толпившихся снаружи у автобуса, были на уровне его ног. Потом тронулся и очень быстро ехал, этот автобус. По салону гулял ветерок, потому что кто-то из пассажиров приоткрыл люк наверху. И опять Витька прилип к окну и любовался лесом, который стеной стоял с обеих сторон вдоль дороги, был очень густой и сплошь состоял из елей и сосен. Они уже ехали

довольно долго, наверное час, а то и больше, и Витька с нараставшей тревогой заметил, что пространство за окнами также как в поезде, в начале пути, закружилось все быстрее и быстрее. И как-то внезапно вдруг ощутил, что опять стало ему очень жарко, пот выступил на лбу и крупными каплями покатился по щекам, хотя по-прежнему по салону гулял легкий ветерок. Закружилась голова и противная тошнота подступила к горлу, и испугался Витька, что еще немного и его вырвет. Он резко встрепенулся на сиденье, встал, вцепился руками в спинку впереди, прижался к ней грудью, запаниковал и, не зная, что предпринять стал озираться по сторонам.

— Витенька, что с тобой! Тебе плохо? — услышал он встревоженный голос тети Дуси, промычал в ответ что-то невразумительное, а она, поняв все сразу, закричала резко и требовательно: — Водитель! Останови автобус! И пассажиры, сидевшие в одном ряду и сзади, тоже зашумели разом и повторили: — Останови!.. Останови-и-и! — мальчику плохо! И пока автобус, притормаживая, всё ещё катился по инерции вперед, успела тетя Дуся выхватить из сумочки носовой платок и начала промокать противный Витькин липкий пот. Подгоняемый позывами тошноты, Витька бросился к открывшейся двери, выскочил из автобуса и едва не упал, споткнувшись о камень на обочине.

Инстинктивно дернувшись, попытался удержать равновесие и это ему удалось. И он так забоялся упасть на виду у всех, что и не заметил даже, что ускользнула тошнота. По инерции, жадно глотал ртом, как рыба, приятный прохладный лесной воздух. Выдыхал, и словно опасаясь, что этот живительный воздух исчезнет — глотал снова и снова. И посвежело в груди, и отступил комок от горла. Хотел, уж было влезать в автобус обратно, — как же! — автобусу ехать надо, и все пассажиры смотрят на него из окон и ждут. Но тетя Дуся удержала его за руку и непустила. — Не спеши сынок, походи, погуляй немножко, просвежись — дыши, дыши воздухом! Подождет автобус, никуда не денется! Она говорила все это скороговоркой и все пыталась заглянуть ему в глаза — действительно ли лучше ему стало? Некоторые пассажиры тоже воспользовались остановкой, вышли из автобуса, потягивались и разминаясь размахивали руками. А две тетки, торопясь даже побежали в лес. Витьке нравился воздух, он дышал и дышал полной грудью и все не мог насытиться. Воздух был необычный, был густым, плотным, насыщенным обильно запахом хвои, разнотравья и особенной свежестью. Он напомнил Витьке отдаленно весенний воздух Бурно-Октябрьки, в то короткое время, когда распускалось все вокруг и цвело. И уже по-настоящему почувствовал себя

Витька бодрым и полным сил. В автобусе они поменялись с тетей Дусей местами, и Витька не смотрел больше в окно. Все еще переживая от того, что привлек всеобщее внимание — замкнулся в себе, а через некоторое время сами собой сомкнулись его глаза и Витька заснул. А когда проснулся — автобус уже петлял по Волоколамским улицам.

Глава 4. Городская жизнь

И началась у Витьки городская жизнь. Как-то скучно началась. Оказалось, что только один брат его двоюродный — Лёвка жил с тетей Дусей. Он был самым младшим из тети Дусиных детей и все равно на целый год был старше Витьки. А Гена все ещё учился в своем Суворовском училище в Москве, и тетя Дуся сказала, что он скоро приедет на каникулы. И Дочь её — Лиля, тоже жила в Москве. Тете Дусе надо было работать, и она уходила рано утром, и возвращалась лишь вечером. Лёвка оказался какой-то странный и непонятный. Он совсем не обрадовался Витькиному приезду и Витька почувствовал сразу, что не понравился Лёвке и оттого не знал даже как себя вести. Лёвка смотрел на него с нескрываемым превосходством и почему-то, при первой встрече, когда тетя Дуся отошла по своим делам, обозвал его «деревней». И

были в интонации, с какой он это слово произнес такие нотки, что Витька обиделся про себя, хотя виду не подал. А ведь он еще даже не успел рассказать Лёвке как жил, а жил он не в какой-то деревне, а в большом и красивом селе. И вообще, деревень, в местах, где он жил совсем и не было, а были сёла, в которых жили русские и немцы, и аулы, в которых жили казахи. Наверное, Лёвка гордился очень, что Москва рядом находится. Так рядом с его селом, правда, на немного большем расстоянии, чем Волоколамск от Москвы, — если честно, находятся и Ташкент, и Фрунзе, и даже — Алма-Ата, и все они — тоже столицы. Он заикнулся об этом, но Лёвка и слушать его не стал и тоже обозвал эти города деревнями. И чего задается, подумал Витька — оказалось, что Лёвка не знает даже что есть такие города как Джамбул и Чимкент. А если не знает — чего с ним спорить. И Витька не стал, а про себя подумал, сам он — «деревня». В общем Лёвка сразу потерял к Витьке интерес, исчез куда-то и редко совсем появлялся дома. И получилось, что жил Витька в тети Дусином доме один. Когда Витька осмотрелся вокруг, понял он, что это и не дом вовсе у тети Дуси, а квартира. Она была очень маленькой и тесной, и было у Витьки ощущение, что врыта она в землю. Одно единственное окошко почему-то было высоко над полом, смотрело на Юг и в него

откуда-то сверху, как с потолка светило в комнату солнце. Тети Дусина кровать была спрятана за занавеской, а та, вторая кровать, на которой спал Витька, казалось, занимает полкомнаты, хотя была самой обыкновенной кроватью. А впереди, с улицы перед этой комнатой был еще маленький совсем с крохотным окошком коридорчик. В нем на плите тетя Дуся готовила еду и разные супы. Витька со своей семьей количеством в восемь человек в этой квартире точно, не уместился бы. Там дома в Бурно-Октябрьке было у них две комнаты: побольше и поменьше. В первой, которая поменьше, стоял большой стол с длинными скамейками, за которым все они разом помещались. И был в этой комнате деревянный пол, и еще была теплая уютная печка с духовкой, на которую можно было влезть, и если замерз на улице — быстро согреться. Во второй комнате, где они спали все, было аж три кровати, стол, на котором стоял радиоприемник, и все любили слушать по вечерам из него различные постановки и песни, и еще оставалось место, чтобы готовить за этим столом уроки. И целых три окна было в этой комнате — по одному во все стороны. Вот, правда пол был в ней земляной, который для твердости, прочности, и чтобы не трескался и не пылился, мама или сестра мазали раствором из кизяка. И еще лежал половик на этом полу, по которому ходили они все босиком,

и то, что под ним пол — земляной, было почти незаметно. Перед первой комнатой был большой коридор, который зимой не отапливался, и в котором хранились мешки с отцовскими «трудоднями». В коридоре — наверху под крышей, на длинной палке, кругами висела отцом приготовленная колбаса и была она вкуснучей-привкуснучей. Пальчики оближешь. Правда, она быстро заканчивалась, потому что Витьке и его братьям — пацанам, не терпелось сорвать этот манящий запахом круг. Сорвать и тут же разломить на куски, расхватать по рукам и съесть без хлеба. Мама, увидев это безобразие, для вида пыталась ругать за самовольство. А потом, махнув бессильно рукой, жаловалась сама себе — вот ведь... растут... и не напасешься на них...

Совсем маленькая оказалась квартира у тети Дуси, но Витька в ней долго и не находился, ведь лето на улице и все интересное для него должно было быть там. В первый же свободный день тетя Дуся взяла его с собой, в город — туда, где были магазины и многоэтажные дома, за покупками. Хлеба надо было купить и ещё кое-что. В магазине, куда они зашли, все было для Витьки интересным, и то, что продукты можно было брать самому, а не просить продавщицу, чтобы она подавала их, и то что продавщица сидела за кассой и к ней потом надо было подойти, чтобы расплатиться за те

продукты, которые выбрал. Да и сами эти продукты — молоко в стеклянных бутылках, хлеб, не в каравах как мама выпекала его, а в батонах или булках были по виду необычны. И ещё — масло сливочное в бумажных пачках-брикетах, и какой-то маргарин. Потом, когда он все это кушал, оказалось, что эти продукты — и молоко, и масло, и хлеб-батон-булка, отличались и по вкусу от тех, которые ел Витька дома. Витька так и не сумел разобраться, вкуснее они были или нет, — они были для него просто необычными, городскими, как и всё, что он впервые видел вокруг. В магазине Витьке очень понравились кассовые аппараты, которые он тоже увидел впервые. На них продавщицы считали, сколько денег нужно было заплатить за хлеб или молоко, и эти аппараты громко урчали и печатали чек, на котором была цена за все, что покупатель берет с собой. Дома Витькины продавцы все считали на деревянных счетах с костяшками на проволочках, и там все было видно и понятно. А вот как это делал кассовый аппарат, и при этом не ошибался, Витька никак не мог сообразить. Он быстро запомнил дорогу к продуктовому магазину и потом, по заданию тети Дуси несколько раз покупал хлеб и молоко самостоятельно и всегда, очень волновался почему-то.

Сами дома и здания городские Витьку не

очень заинтересовали, но однажды он наткнулся на церковь, наткнулся и просто обомлел от её величия. Гигантских размеров была она, вся из красного кирпича, потемневшего от времени, и по виду — очень древняя. И на вершине церкви — купола её. Они так высоко возвышались над землей, что Витька, задрав до невозможности голову, и рассматривая их, почувствовал себя мелкой-мелкой букашкой. Чем-то эта церковь напоминала Витьке отвесные скалы в старых горах, и ещё — сказочного богатыря. Окружена была церковь пустынной площадью. Огромные деревянные ворота, служившие вероятно входом в церковь были накрест заколочены досками. Тетя Дуся сказала, потом, что теперь это и не церковь вовсе и что там внутри за древними стенами находятся склады. А Витьке церковь показалась совершенно безжизненной и какой-то уставшей. И в то же время... — живой... А ещё — птицы... Никогда не видел Витька раньше тех больших черных птиц, которые обитали на окрестностях заоблачных куполов этого странного сооружения. И будто бы по неведомой команде большой стаей, с оглушающим карканьем, вдруг взмывали они в воздух и большим чёрным облаком кружили высоко в небе, исчезали из глаз, и потом, появившись вновь, тёмным пятном дружно оседали на куполах и на огромных крестах их венчающих. И

было во всей этой птичьей кутерьме что-то завоораживающее и зловещее...

Первое время по приезду Витька выходил в огромный пустынный двор перед тети Дусиной, и ещё несколькими такими же, как у неё квартирами. Со двора, если на них взглянуть, больше похожими на сараи, и скучал. А потом, познакомился с местными пацанами, которые тут же приняли его в свою компанию, и Витька перестал замечать время. Он тут же с ними во дворе играл в футбол, а играть в футбол он любил, был в своем классе дома всегда нападающим, когда играли командой класс на класс и знал хитрые обманные финты. И оказалось, что он — футболист, совсем не хуже своих новых друзей, а если взаправду сказать, — то и лучше. И то, как он ловко удерживал в своих ногах мяч обманными финтами, не давая возможности противнику, отобрать его, сразу вызвало у пацанов к нему уважение. И только брат Лёвка, появившись во дворе неизвестно откуда, и сам в игру не ввязывающийся, лениво за игрой следивший, видя как Витька все-таки терял мяч или неудачно пасовал его напарнику, обязательно замечал его промах и цеплял Витьку словами: — э-эй деревня! — ну ты и мазила... Он как будто стеснялся Витьки.

Глава 5. Пацаны городские

Приняли Витьку в свою компанию городские пацаны. А что? В футбол гоняет почище некоторых. И финты как делать правильно, показывает. Не задается, не слабак, и видно сразу — не маменькин сынок. Разные истории интересные рассказывать умеет — и про мушкетеров, и про места откуда приехал. Про горы снежные... Врет конечно, но слушать все равно интересно. А может быть и не врет... Впрочем, у нас тоже есть на что посмотреть и чем заняться. Пусть присоединяется коли охота.

И зажил Витька местной пацанской жизнью. Большая часть этой жизни протекала за пределами двора. Не сиделось на месте пацанам. То туда забредали, то сюда. И много ещё чего нового открыл для себя Витька. Он обожал книги о войне и читал еще до приезда про Панфиловскую дивизию из Казахстана, которая защищала Москву от фашистов под Волоколамском. Восхищался подвигом 28-ми героев-панфиловцев у разъезда Дубосеково, которые подбили за один бой много танков. Погибли почти все, но не отступили и не пропустили к Москве фашистов. Но то, что сам Волоколамск был захвачен фашистами, он не знал, просто не мог этого допустить в воображении и сначала не очень поверил своим новым друзьям. А они завели его однажды на кладбище, где похоронены были погибшие во время войны

солдаты. Витька увидел памятники с деревянными звездами, и на многих было написано только одно слово: — «неизвестный», а еще на одной из могил вместо памятника был установлен пропеллер от настоящего самолета и Витька понял, — похоронен здесь сбитый в бою летчик. И ни фамилии ни имени не нашел он на пропеллере. Кладбище было старое, заросшее травой, но все равно аккуратное. А рядом с ним, как оказалось, было ещё кладбище. И там, на могилах, стройными рядами как в едином строю, вместо памятников — торчали деревянные кресты, на каждом из которых была прибита железная табличка с надписью на немецком языке. «Здесь немецкие солдаты похоронены» — пояснили пацаны. Впрочем, Витька и сам догадался, что под крестами похоронены гитлеровцы, и по количеству крестов видно было, что полегло их много под Волоколамском. И не немцы это вовсе, а фашисты, поправляя мысленно про себя Витька пацанов. Немцы — они ведь разные. Именно фашисты — гитлеровцы напали на Советский Союз. Пусть — немцы, но те, которые — фашисты. Ведь отец Витьки тоже был немцем, только — советским, и родился и вырос в Советском Союзе, как и его отец и мать, — дед и бабушка Витьки. И во время войны хоть и не взяли отца Витьки на фронт, но все равно — служил он в трудовой армии — добывал на нефтепромысле в Казахстане, в Гурьевской области

нефть. И говорил отец, что эта работа тоже очень важна была для победы. И нефть кому-то тоже надо было добывать. И хоть знал Витька, что родители его и деды, и даже прадеды, и все немцы из его села, родом не из той Германии, которая напала на Советский Союз, а из Автономной республики немцев Поволжья, что была когда-то под Саратовом, было ему, все равно, почему-то горько, оттого что он — тоже немец по национальности. И все внутри его кричало — нет, не имеет он никакого отношения, к этим похороненным в Волоколамске фашистам. Отец рассказывал, что был он комсомольцем и когда в трудармии один подонок обозвал его ненавистным словом, отец не раздумывая, врезал ему по морде, и когда тот пожаловался начальству, что его избили, стало начальство на сторону отца и сказала, что поступил он правильно. И ничего ему за эту драку не было. И все-таки как-то непроизвольно возникало у Витьки из глубины души противное чувство, как будто виноват он, что родился немцем. И восставал мощный протест от несправедливости мыслей таких. Такое бывало и дома, когда их сосед, Плюшкин — по фамилии, напивался пьяным и тоже почему-то ругался на соседей Кнауэров, обзывая их фашистами. Но с ним за это никто не связывался — что с пьяного дурака возьмешь... А вот дядя Володя Луговой, который в отличие от Плюшкина

воевал и был на фронте офицером-артиллеристом и тоже любил выпить — никогда с соседями не ругался и тем более местных советских немцев фашистами никогда не называл. Витька научился справляться с собой и сейчас переборол неприятные чувства упрямо вдавливая в голове, что те, которые лежат под крестами — хоть и немцы, конечно же, но — фашисты, фашисты... А то, что он — тоже немец, с этим ничего не поделаешь.

А еще было в городе огромное дерево, одна из толстых мощных ветвей которого, на несколько метров в сторону, росла от ствола горизонтально земле. И узнал Витька, что на этой ветви повесили фашисты восемь попавших в плен партизан. Витька знал, как это они делали. Он читал о подвиге Зои Космодемьянской... И веяло холодом в душе от того, что находится он на месте, где уничтожение людей происходило в реальности. Всего несколько дней были фашисты в Волоколамске — их быстро выгнала Советская армия, но память мрачную о себе оставили прочно. И хоть по представлению Витьки город был маленьким и не очень интересным — но он оказался героическим городом и почувствовал Витька к нему огромное уважение. Почти такое же, как к Москве.

Баракы, в которых была квартира тети Дуси, были расположены на окраине города, и как

оказалось, совсем недалеко от этого места протекала река Лама. Когда Витька с пацанами впервые добрался до неё, он очень удивился, — ну какая же это река? Она обнаружилась как-то внезапно, за кустарниками, возникла прямо из зеленой травы. Была узкой и очень мелкой. В которой — глубины, — ну, прямо воробью по колено. И как в ней купаться — ну разве что на дно пузом лечь, чтобы утопить в воде полностью тело. Да у Витьки дома даже в арыках, через которые на летний полив огородов отводилась вода — глубже было. И в никакое сравнение не шла эта река Лама с его горной речкой Терс. Самый разгар лета сейчас — июль, и пропадают днями его Бурно-Октябрьские друзья на любимой речке. Ныряют с обрыва вниз головой на глазах у девчат, играют в догонялки на воде. Плавают, ныряют, и захватив воздуха в грудь, долго под водой, загребая руками и ногами, путают след ускользя от догоняющего, и выныривают отфыркиваясь, а то и совсем неслышно в неожиданном для него месте. Все друзья у Витьки как на подбор, отличные пловцы и ныряльщики. Как рыбы настоящие, безошибочно ориентируются под водой и трудно очень трудно добраться и залепить ладошкой по голове кому-либо из них догоняющему. Чтобы избавиться от обязанности — догонять! А сколько смеха, веселья и отваги на радость всей компании

во время этих водных игр. Потом, основательно уставшие, валяются скопом на горячем обжигающем песке, травят анекдоты, разгадывают загадки — просто загорают до черноты и не вбирает уже красок загара в себя тело. Прогрелись, отошли — почувствовали избыток палящего солнца и опять — нырь в жгучую холодную воду! Красота! А здесь? Ну, какое купание — разве что задрать штанины и ноги намочить до колен. Да и видит Витька, нет у городских друзей особого желания купаться. Витьке тоже, не хочется. Он никак не может понять — что же это за лето такое в Волоколамске. Солнце, вроде и светит вовсю, но не жарко телу, как будто это и не лето совсем, а только весна. Трава — зеленая вся и не думает выгорать, а оттого и красками весенними окрашено все вокруг и выглядит по-праздничному. У Витьки дома в это время — травы днем с огнем не сыщешь — вся повыгорала под палящим солнцем, в бурьян неприглядный превратилась, и только пастухи отыскивают её для коров у родников и горных ручьев. Да там — где низины у речки. И все равно, — пусть без этой праздничной зелени — но комфортнее Витьке там дома, под его — все сжигающим солнцем. Он как-то сразу вдруг почувствовал это и впервые — загрустил по дому. Но ненадолго.

Глава 6. Соблазн за забором

Вдоль тропинки, которая привела Витьку с пацанами к речке, тянулся полуразрушенный забор. За ним, в глубине двора видны были какие-то обшарпанные здания то ли мастерских, то ли складов. А еще — прямо за забором простиралась неухоженная территория, поросшая высокой травой. И безлюдно было там. И горками торчали из травы груды загадочных железных изделий. Привлекли к себе они внимание необычностью своей и как бы бесхозностью. Как тут не соблазниться, не дать воли любопытству. Крадучись, полуползком вслед за пацанами и Витька добрался до интересных железяк. И обнаружили среди них те кассовые аппараты, которые привлекли его внимание в городском магазине во время покупок. Сами по себе — вроде бы и неинтересны. Ну, ящик и ящик железный. Но из каркаса этого ящика проглядывались те самые рядки цифр, которые двигались и менялись, когда управляли этими аппаратами продавцы в магазине. И окончив счет, замирали, указывая окончательную стоимость покупок. Каркас, за которым находился механизм с циферками, удалось открыть. Когда рассмотрели этот механизм — очень интересным он показался, и захотелось всем непременно заполучить его. А чтобы отделить этот механизм от

всего тяжелого аппарата со всеми его громоздкими клавишами и рычагами — всего-то дел — пару болтов-шурупов открутить надо. И чего тут не разобраться — работает у пацанов соображалка. И открутить — есть чем — ножичком перочинным, ведь под отвертку болты сделаны. Пыхтели от напряжения по очереди, и крутили эти шурупы. На коленках ползали и все оглядывались с опаской, как бы ни заметил кто-нибудь из взрослых ненароком этот грабеж. Знатно потрудились — на всех хватило изъятых приборчиков. Витьке тоже достались целых два. Он потом когда внимательно изучил эти приборчики и разобрался, как они работают — обрадовался очень.

Это были механические счетчики — набор на одной оси рассаженных широких колесиков диаметром в двадцать копеек, с цифрами, от нуля до девяти, равномерно нанесенными на плоской поверхности окружности. И был сбоку рычажок, каждое нажатие на который вращало сначала первый кружок на одну цифру. Когда же этот кружок завершал полный оборот, и десятое нажатие на рычажок переключивало девятую цифру на ноль — вступало в действие и прокручивалось с нуля на единицу второе колесо. Таким образом, десять нажатий на рычажок отображали два колесика цифрой десять. Вращение колесиков происходило по строго определенному закону, заложенному в

конструкцию. Первое накручивало единицы, второе — десятки, третье — сотни, четвертое — тысячи... У Витьки разыгралось воображение.

Он страстно мечтал стать летчиком. И там, дома, со своим закадычным дружкой Шуркой, вместе, они любили играть в летчиков. Самолетом, на котором они героически летали, в воображаемых боевых условиях, служила им огромная верба. Дерево росло в глубине отцовского двора на краю сеновала. К лету на сеновале оставался лишь тонкий слой мягкой соломы. Дерево было высокое, разлапистое, высотой в десять — пятнадцать метров, с мощными прочными ветвями. И там в его кроне, на ветвях, оборудовал Витька с Шуркой надежные кресла для пилота и штурмана, из специально затащенных наверх, и прочно на ветвях закрепленных пиленых досок. По-всякому было во время полетов. Бывало, раскачивало их дерево-штурмовик, особенно когда ветер дул, так, что внизу, с высоты глядя, видно было, как земля и вправду двигалась и оттого, легкое кружение возникало в голове. Крепко ухватившись за ветви, служившие для летчиков штурвалом и рулями управления, и вправду казалось, что летели они над вражеской территорией по-настоящему. Пикировали, выполняли фигуры высшего пилотажа — виражи всякие и бочки. И в критический момент даже прыгали с самолета с парашютом когда, по

условиям игры, подбит вражескими зенитками оказывался их самолет.

Парашютом служила вторая молодая верба, выросшая рядом на расстоянии метра от их «самолета». Гибкая, тонкая с не успевшим одеревенеть стволом, она как настоящий парашют и опускала сбитых горе-пилотов на землю. Там на высоте карабкаясь по ветвям, преодолевая страх, бросался Витька на гибкий ствол, ловил его, повисал на руках, и под тяжестью тела пружинил ствол-парашют до самой земли. И испытывал Витька восторг теперь уже от самого настоящего полета вниз, с головокружительной высоты, и летел, пока его ноги не утыкались в соломенную мягкую землю. Несколько секунд, а может и минуту целую, но летел — парил по-настоящему! Почувствовав землю, ослабевал хватку, отпускал спасительный ствол и валился на землю. И дерево, обретя свободу, взмывало пружинкой вверх и принимало первоначальное положение. А там, снова превращал его в парашют второй уже член экипажа — Шурка. И далеко не каждый из других уличных друзей-товарищей решался этот их парашютный спуск повторить — ибо, если, не дай Бог, не поймашь спасительный ствол руками, выпустишь его из рук — так хряснешься о землю, что и мозгов не соберешь...

Вот удивится Шурка, когда привезет и

покажет ему Витька добытые в Волоколамске диковинные счетчики. Приспособят в дело, и будут служить они на их самолете приборами высоты и скорости. Ценное приобретение случилось у Витьки. Он вертел приборчики, щелкал рычажком, набивал цифры и все никак не мог расстаться с воображаемым полетом на своем, теперь уже оборудованном настоящими приборами, дереве-самолете в который, непременно они отправятся с Шуркой, сразу же, как только он вернется домой. Большим фантазером был Витька, уж что-что, а мечтать он умел. И замирало, от предстоящего удовольствия от полета, сердце.

Дважды потом Витька с товарищами прокрадывался через забор на таинственную территорию в надежде найти еще что-нибудь интересное и необычное, но среди многочисленного железного хлама кроме аппаратов, которые уже были изучены вдоль и поперек, больше ничего обнаружить не удалось.

Глава 7. Витька — вор

А душа жаждала новых приключений и тут же, не откладывая в долгий ящик, пацаны их придумали. Они вспомнили вдруг, что совсем недалеко есть место, где растут яблони, и конечно же, ведь разгар лета сейчас, созрели уже яблоки на

этих деревьях. И пора бы раздобыть их для пробы.

Витьке что? Дома у себя в селе тоже есть места, где растут и зреют и яблони, и сливы, и терн в некоторых соседних огородах. Витька знает, что даже дома, где солнца много, они еще кислую-прекислую. Но раз хотят пацаны, то почему бы и ему с ними не стырить яблок немного. Хоть и не дозрели они до конца, а все равно, не терпится, и попробовать было бы интересно на вкус.

И поспешил Витька вслед за пацанами к Волоколамским садам-огородам. Долго петляли они по закоулкам каким-то и наконец, добрались. Видно пацаны уже без Витьки пробовали яблоки в этом огороде. Уверенно в высоком заборе отодвинули они, как оказалось, плохо прибитую доску и один за другим, Витька — последним, прошмыгнули вовнутрь. Он огляделся и удивился, и не огород это вовсе за забором, а просто маленькая зеленая поляна с несколькими довольно высокими яблонями. Яблоки на ветвях были, но чтобы добраться до них, надо было на дерево влезть. Витька тоже взобрался на то, которое поближе. Он сорвал несколько яблок, сунул за пазуху и вдруг услышал резкий, эхом отдавшийся, хлопок сзади. Пацанов как ветром сдуло с деревьев, молниями метнулись они к забору и растворились за дырой. А Витька замешкался, и когда с дерева

сполз, почувствовал, что какая-то палка уткнулась ему в спину. И услышал он грозный и злорадный рык — а-а, попался дружок...

Витька действительно попался. Когда он обернулся на голос, увидел отступившего на пару шагов бородатого мужика, в руках у которого было настоящее ружье и два его ствола направлены были прямо Витьке в грудь. И не хлопок это был вовсе, это же стрельнул дядька из ружья. По пацанам стрельнул — эта догадка пронзила его насквозь и Витька испугался. Сильно испугался. Может быть, он пьяный этот дядька и вдруг, опять действительно выстрелит? Опять!!! Теперь — прямо в него, и все из-за каких-то яблок!?!...

А мужик, перехватил ружье, схватил оцепеневшего Витьку за ухо и потащил внутрь двора. Матерился жутко, громко позвал кого-то и приказал вызвать милицию. А потом все время держал Витьку под прицелом и грозился выстрелить, если тот шевельнется и вдруг надумает бежать. Витька, натянутый как струна, глядел исподлобья на бородача и вдруг увидел в нем, самого настоящего, одного из тех полицаев, которые творили подлые дела во время войны против партизан. Ведь разве нормальный человек выстрелил бы по пацанам из ружья из-за каких-то яблок? Ну, погнался бы... прутом бы шлепнул, если бы догнал конечно... А этот...

Он много читал о партизанах в книгах. А еще про полицаев рассказывала ему мама. Она вместе со своей матерью жила в Белоруссии, в селе со смешным названием Лапотовичи, и всю войну провела в фашистской оккупации, пока не освободили её деревню советские солдаты. В её деревне тоже хозяйничали полицаи. И чтобы не угнали её в Германию полицаи навсегда, — пряталась она с другими девушками у партизан в лесу. А потом, когда освобождали её село, шальной снаряд разорвался у дома и её маму, а значит — Витькину бабушку, ранило осколком, и она от этого умерла. Мама осталась совсем одна, потому что её отец ушел на фронт сразу в начале войны и сгинул там — пропал без вести. Чтобы не пропасть ей там в своих Лапотовичах одной — переехала она в Казахстан к своей старшей сестре — Дусе. А вот теперь Витька сам попался, ну точно — полицаю! — в руки. Он смотрел злому полупьяному бородачу прямо в лицо, сверлил глазами, а тот по-прежнему не отводил от него ружья. И оттого, что Витька вспомнил про партизан, про маму свою, прошел у него страх, и жгучая ненависть переполнила сердце. «Полицай» этот заметил перемену на Витькином лице, дернул в его сторону ружьем и прорычал: — у-уу зверёныш! Вот посидишь в тюрьме, на всю жизнь запомнишь, что нельзя лазать по чужим садам! И

опять начал громко материться. Хорошо, что милиция приехала быстро. Приехала и повезла Витьку в тюрьму.

Витька знал, что в селе у них есть участковый милиционер, но он ни разу его не видел, а тут, сразу два, — настоящих, в форме, арестовали его и везут. Пока везли, присмотрелся к ним Витька и сделал вывод, что вроде и не злые они совсем. В тюрьму его сразу не посадили, а провели в какую-то комнату, которая называлась отделением милиции, и начали писать протокол. Витька назвал свое имя и фамилию и очень удивил того, который его расспрашивал, с погонами старшего лейтенанта на плечах, что живет он в Бурно-Октябрьке, которая далеко находится — в Казахстане, и сюда в Волоколамск приехал совсем ненадолго.

— Так ты что — яблоки приехал воровать? У вас, что своих там мало? — удивился милиционер. И Витька не знал, что ему ответить...

А еще, не знал он адреса, где живет тетя Дуся. Сообщил лишь, что работает она шеф-поваром в какой-то столовой. Поняв, что больше от Витьки ничего не добиться, потеряли милиционеры нему интерес, усадили его в сторону на лавку и занялись своими делами. И ждал Витька, что скоро приедет машина и отвезет его в колонию для несовершеннолетних, а может быть, и сразу — в тюрьму. И так жалко ему было себя, и сильно

хотелось плакать, но присутствие милиционеров как-то сдерживало, и он крепился изо всех сил. И еще, — переживал за тетю Дусю. Где она будет его искать и как узнает, что он в тюрьму попал за воровство, и вообще — что с ней будет, и как она об этом сообщит его родителям.

Время бежало и бежало, никто Витьку не трогал, и много чего передумал он, и измучился совсем. Душа смирилась и приготовилась ко всему, что с ним сделают. Он впал в какую-то полудрему и перестал замечать, что происходит вокруг. Очнулся, когда один из милиционеров принес ему ломоть батона с колбасой, а еще горячий чай в алюминиевой кружке и заставил кушать. Витька вдруг обнаружил, что в комнате горит свет и за окном — совсем темно. Им снова овладела тревога, кушать хотелось, а хлеб не лез в горло, но тут раздались голоса за дверью, и в комнату вошла тетя Дуся. Витька замер с кружкой и хлебом в руках от неожиданности. А она бросила на него тревожный взгляд, вздохнула облегченно, прошла мимо и долго, в полголоса, разговаривала о чем-то с милиционерами в соседней комнате. Витька воспрянул духом, и с необыкновенной силой разгорелась в нем снова надежда, — а может и не посадят его. Отпустят на первый раз, ведь всего-то он успел стащить три яблока, которые даже не надкусил, не успел попробовать на вкус. Вон,

красуются эти яблоки, в качестве доказательства, — зелень сплошная! Он сам их вытащил из-за пазухи и положил на стол тому милиционеру, с которым сейчас тетя Дуся разговаривает. Может быть, и не посадят, а вот штраф за него тете Дусе наверняка придется заплатить. Кровь опять бросилась в голову, стало жарко так, что пот выступил на лбу и готов был Витька от стыда под землю провалиться совсем.

Удалось освободить тете Дусе Витьку. Он это понял сразу, как только она вновь появилась перед глазами. Позвала за собой и вывела на улицу в темноту. Потом, они стояли на остановке, ехали в автобусе, шли какое-то время пешком. И все время — молчали. Наконец, оказались в квартире тети Дусиной и она засуетилась за плитой, пожарила яичницу с колбасой и заставила Витьку поужинать. Потом приказала ему спать и сама тоже ушла за свою занавеску. И показалось в тишине Витьке, что тетя Дуся потихоньку плачет в темноте. Стыд с новой силой окончательно захлестнул Витьку, тело инстинктивно сжалось в комок, перехватило горло и до отказа наполнились слезами глаза. Он уткнулся мокрым лицом в подушку и изо всех сил долго боролся с собой, сдерживал разрывающие душу рыдания, давил всхлипы и не давал вырваться их звуками наружу. Слезы текли из глаз и текли, казалось, что отчаяние одолеет Витьку до такой

степени, что он умрет сейчас и весь этот кошмар закончится, наконец. И действительно, как-то незаметно, все закончилось и стало легче дышать. Витька совсем обессилел от борьбы с собой и уснул, а когда утром открыл глаза — так хорошо было ему, как будто и не происходило с ним ничего такого вчера.

Совершенно неожиданно появился Левка. Он вдруг проявил к Витьке интерес, сочувственно ткнул в плечо и предложил прогуляться. Ну, предложил и предложил — Витька с удовольствием согласился. Они прибились к Левкиным друзьям, ожидавшим Левку на лавке в глубине двора, и Левка включился в разговор, обсуждал что-то известное только им, и все громко смеялись. Все друзья Левки, как впрочем, и он сам, были старше Витьки, и это было заметно и бросалось в глаза. Левка тут же про Витьку забыл и Витька почувствовал, что болтается среди них как лишний хвост у собаки. Никто не обращал на него внимания, и он заскучал. Сказал Левке, что пойдет домой и лучше почитает книгу. Ладно, согласился Левка, — мотай, только не натвори там снова дел... И Витька пошел. Грустно было ему, и даже не подняла настроение новая песня, гремевшая на всю округу из окна деревянного двухэтажного дома, тоже входным подъездом смотревшего во двор. Дома, в котором жили Волоколамские

друзья-ровесники, и которых сегодня не было видно нигде. «Черный кот от ушей до хвоста, был черней, чем сама чернота...» — пела любимая Витькина певица Эдита Пьеха, — пела от души, но Витьку она сегодня не радовала. Вспомнился вчерашний кошмар. Его опять начали мучить угрызения совести, и казалось ему, что приедет тетя Дуся вечером с работы и наконец, отругает его, выскажет, что не ожидала она, что он, племянник её, оказался вором. И завтра, в субботу, или послезавтра в воскресенье — раньше срока, отвезет его в Москву, посадит на поезд и отправит домой. И никогда уже не простит и знать не захочет больше Витьку.

Он достал книгу, которую купила ему тетя Дуся во время их похода по магазинам. Книга называлась «Белый клык» и написал её американский писатель Джек Лондон. Тете Дусе понадобилась тетрадка для писем, и они зашли тогда по пути в книжный магазин. Витька, когда увидел такое огромное количество развернутых красивыми обложками в его сторону книг, — просто обомлел. Нет, он, конечно, видел гораздо больше книг в одном месте сразу — их просто не меряно было дома в совхозной сельской библиотеке. Но там они стояли на стеллажах, были плотно примкнуты друг к другу и только на переплетах сзади угадывались их названия. А тут

— красивыми разноцветными обложками выставились и прямо на него смотрят! А Витьку и медом не корми — дай только почитать что-нибудь. Очень любил Витька книги. И эта книга, про ручного волка, историю о котором он слышал, сразу привлекла его внимание. Он попросил у тети Дуси разрешения посмотреть её, а потом мялся все и никак не решался поставить книгу на место, и тетя Дуся по его просящим глазам и написанному на лице восторгу все поняла сразу, и книгу купила. И от подарка такого, счастье Витьки стало безмерным. Потом он растягивал удовольствие, решив оставить её чтение для поезда, когда поедет домой. Но сейчас в комнате делать было нечего, он раскрыл первую страницу, пробежался по строкам и уже не мог оторваться. История волчонка захватила так, что забыл Витька про время и глотал, и глотал текст. Вечером тетя Дуся от книги Витьку все же оторвала. Она, как ни в чем не бывало, рассказывала о своих делах и планах на субботу, и Витька понял, что его отъезд домой откладывается.

Глава 8. Брат и сестра

Планы тети Дуси нарушились, потому что в субботу приехала из Москвы её дочь, а значит, сестра Витьки — Лиля. Эта Лиля какой-то неуловимой похожестью напомнила Витьке ту его

сестру — Лильку тоже, которая осталась дома в Бурно-Октябрьке. И он подумал, что таскает наверняка сейчас Лилька вместо него траву каждый вечер на плечах для коровы Зорьки. Ищет у арыков зеленые островки, режет серпом, набивает полный мешок под завязку и таскает. А кому еще? Сашка с Володькой — так у них еще силенок маловато. А Зорьке вечером, хоть и пасется она весь день со стадом сельским вместе, а все равно приходит домой полуголодная, если хочешь, получить от неё молоко, хоть разорвись, а чтобы жевала она во время дойки что-то съедобное — выложи в кормушку. Известно же, разве напасется пастух на всю эту коровью ораву травы в полу выгоревших от солнца предгорьях. Все пацаны с улицы таскают, откуда могут, траву своим коровам. А как же иначе. И сейчас — Лилька, тоже.

А тети Дусина Лиля вся из себя — городская, и чем-то на Лильку — бедолагу похожа, только Лилька — худая совсем, а у этой лицо полненькое, красивое. И вообще, вся она нарядная, на невесту похожа. Понравилась Витьке сразу его двоюродная сестра. И приветлива она с Витькой была, и разговаривала долго с ним, расспрашивала обо всем. А вечером убежала к подружкам. Ну понятно, — у неё свои дела, девчачьи. А Витька для неё — шпингалет, пацан совсем. Тетя Дуся, ей же самой некогда, вспомнила, что обещала Витьке

Москву показать, сказала как-то мимоходом, мол, может быть, возьмешь брата на денек в свою Москву, покажешь ему Кремль, Красную площадь, в Мавзолей сводишь? На что Лиля ничего не ответила, как будто тети Дусиной просьбы и не услышала. А тетя Дуся не стала повторять. Витька понял сразу — не сводит, и подумал — что действительно, будет он ей в той Москве как обуза. И вдруг опять, в который уже раз за последнее время, захотелось ему домой. И вообще, совесть надо иметь. Ведь кто кроме него той, домашней его Лильке поможет. Жалко же её.

А в воскресенье опять произошло неожиданное и приятное событие. Приехал на каникулы свои из Суворовского училища еще один его брат — Генка. И интересно, как только он приехал, сразу же Левка объявился. Очень он обрадовался Генке. А Витька — тоже обрадовался. Генка был высокий, статный, в красивой черной суворовской форме. На плечах — погоны с буквами СВУ, а на рукаве, — нашивка, из которой понятно, что окончил он четвертый курс. И еще — фуражка с околышем.

Витьке Генка тоже, как и Лилья, сразу понравился. Он оказался совсем простым и непосредственным. Витьку сразу признал за своего и вел себя с ним как равный с равным. Витка сначала стеснялся его, а потом осмелел и попросил

померить китель и фуражку. Генка не возражал. Левка тоже — крутился вокруг Генки довольный, и не думал никуда исчезать. А вечером Генка сказал, что переводит и Витьку и Левку на военное положение и что спать они теперь будут на улице. Витька сначала его не понял. Летом, дома, он тоже часто спал на улице под открытым небом, для чего во дворе у них специально стояла кровать, но, то был только их двор. А здесь он что — на общий городской двор кровати вынесет? Да и нет таких кроватей у тети Дуси. И тут вскрылась для Витьки Левкина тайна.

Оказывается, в дальнем углу двора, среди общей застройки было у тети Дуси еще помещение, что-то вроде кладовки или сарайчика, и когда он вошел туда вовнутрь вместе с братьями, обнаружил, что были там широкие пустые деревянные полки, на которых вполне можно было разместиться даже взрослому. Они чем-то напомнили Витьке ту, вагонную полку, в поезде, на которой он сюда ехал. И по не заправленной постели на одной из них он понял, куда пропал Левка, и где спал по ночам.

Генка притащил постельные принадлежности для себя и для Витьки и устроил его на верхней полке, а сам решил спать на второй нижней рядом с Левкой. Такое «военное положение» Витьку вполне устроило и совсем не напугало. Уж кем-кем, а

неженкой он точно не был. На кроватях, на которых он и его братья спали дома, заводские сетки давным-давно были продавлены и порваны, и железная кроватная рама на них тоже была покрыта толстыми деревянными досками, и еще, поверх них — лежал набитый соломой матрац. И спалось на этих кроватях Витьке и его братьям по-королевски, и ни один бок ни у кого не болел. Так что и тут он перед своими двоюродными братьями не осрамился и уснул вместе с ними на свежем воздухе «без задних ног».

А утром Генка сам проснулся рано и им не дал долго спать. Притащил ведро холодной воды. Заставил и Витьку и Левку не просто умыться, а сказал, что закаляться надо. Облил их до пояса холодной водой, и велел затем, насухо растереться полотенцем, чтобы жар по телу прошел. Витька и тут не огорчился совсем. Вода в его речке Терс особенно до обеда, бывала такой холодной, что мгновенно пупырышками покрывалось тело, и зуб на зуб не попадал от её студености. И это притом, что светило всю солнце и окутано было все вокруг на земле обжигающей жарой. Очень хотелось от этого купаться пацанам. И разве дождешься, когда эта вода потеплеет.

А еще Генка сказал, что по утрам надо чистить зубы. Витька сроду не держал в руках зубной щетки, да и не было дома ни у кого этих

щеток. А Генка взял свою, выдавил на неё из тюбика мятную пасту и протянул Витьке — давай, учись! И Витька стал учиться, так усердно старался, что потекла из десен кровь. А Генка сказал, что это с непривычки, и ничего страшного в этом нет. Нужно просто приспособиться и привыкнуть. Витька, когда прополоскал от зубной пасты рот, признался себе — а ведь и вправду приятно ощущать эту мятную свежесть по рту. Потом, они проводили генеральную уборку в своей «казарме» все протирали, драили и чистили от пыли. И не было времени оглянуться — так и пролетел незаметно день.

Генка оказался очень деятельным и непоседливым, и вел себя как настоящий командир. Витька с удовольствием ему подчинялся. Он думал с завистью, что вот, через год закончит Генка полный курс Суворовского училища и пойдет служить в армию офицером. Но Генка просветил его, что это совсем не так. Пока он только — кадет. После Суворовского их распределят по военным командным училищам, где надо будет учиться еще целых четыре года и только потом он станет офицером и получит звание лейтенанта. И он не знает еще — кем будет. Пехотинцем, танкистом, артиллеристом, или ракетчиком. А может быть и летчиком — предположил Витька, но вслух ничего не сказал. Ему не понравилось, что Генка назвал

себя кадетом — попахивало это слово чем-то из царских времен. И вообще он удивился очень и не одобрил, что Генка в первый же день снял свою военную форму и переделался в гражданское. Витька бы на его месте так и щеголял весь отпуск в форме всем на зависть. Так и форсил бы... А Генка — нет! Наоборот, сказал, что военная форма ему надоела. Вот чудак!!!

Глава 9. Дубосеково и грибы

Потом, среди недели, они поехали в лес за грибами. Все организовал Генка. Лилю тоже взяли с собой. Так, вчетвером и поехали. Километров за тридцать от Волоколамска. Туда, — где находился разъезд Дубосеково. Витька, услышав это название, загорелся весь. Ему так захотелось побывать на месте, где 28 героев-панфиловцев подбили в одном бою аж 50 танков, защищая Москву. Он читал об этом в книге Бауржана Момыш-Улы, который служил в Панфиловской дивизии. И у Витьки задрожало все внутри от предвкушения, что увидит он своими глазами это место героического боя наяву.

Они вышли из автобуса в безлюдном месте — посреди поля. Потом, по тропинке прошли немного и оказались перед огромным мемориалом-памятником. Три группы гранитных

солдат стояли прямо в поле. Кто-то держал гранату в руках, кто-то — автомат. Они все были ростом, как будто до неба и всматривались вдаль. И ничего не было там, куда они смотрели, кроме зеленой огромной пустоши.

Витьке памятник не понравился. Ну, стоят и стоят. Ну, смотрят и смотрят. Он сейчас в своем воображении видел совсем другую картину. Видел тот рисунок из книги, в которой он о панфиловцах читал. Катились по снежному полю угловатые фашистские танки с крестами. Стреляли из пушек, а некоторые из них чадили уже дымом и горели. И ползли под огнем навстречу им солдаты в белых полушубках и держали связки гранат в руках. А один был уже совсем рядом с танком, замахнулся гранатой и приподнялся, чтобы её бросить. И строчил, изрыгая огонь, ему навстречу из танка пулемет... Витька заново переживал эту картину, и ползли у него мурашки по спине. А что, если не добросит солдат гранату до танка и не попадет в него. И тогда раздавит его гусеницами танк...

Колотилось у Витьки сердце в груди, так колотилось что казалось, выскочит и разорвется. До боли хотелось Витьке, чтобы стоял на этом месте такой памятник, чтобы люди, увидев его, представляли бы наяву все то, что видел сейчас Витька внутри себя. Чтобы представляли — даже не прочитав никаких книг об этом сражении, в

котором погибли солдаты почти все, и политрук Ключков вместе с ними. Погибли, но не пропустили врага. А тут... — стоят солдаты и стоят...

Витька же, как потом оказалось, совсем не был героем. Они вернулись от Мемориала назад, к автобусной остановке, дождались автобуса и тот, миновав поле, выехал в самый настоящий лес. Этот лес охватывал плотной стеной узкую дорогу слева и справа. Генка знал, где надо высадиться, остановил автобус, и они всей гурьбой сошли. Витька ошалел от лесной красоты. Он оглядывался и ничего, кроме высоких елей и сосен вокруг не видел. Даже дорога, и сзади и впереди, исчезла за поворотами и там, вдаль, поперек её, тоже возвышался лес. Все вокруг было сплошь зеленым, темным и таинственным, и только вверху, пока они стояли на обочине, светилась синей ленточкой узкая полоска неба. Её пересекали редкие легкие облака, а солнца совсем не было видно, и Витька не мог даже определить, в какой стороне оно находится. А едва они углубились в лес, небо исчезло совсем.

До этой поры Витька не задумывался, — а как это — собирать грибы в лесу? У него дома, в предгорьях, тоже росли грибы. Только искать и собирать их, надо было не летом и осенью, а ранней весной, когда недавно совсем растаял снег, начали отходить подснежники, и на смену им из земли появились еще только лишь острые стебли budding

тюльпанов. Когда солнце еще слабо пригревало и не набрало силу. Грибочки, белые, плотные росли группками, попадались редко и в поисках их грибники расходились друг от друга на большие расстояния, но все равно все они были на виду. Потом, дома, отец, не доверяя маме, сам эти грибы мариновал в стеклянной банке. А тут, в лесу, Витька не успел ничего сообразить, как и Генка, и Левка, да и Лиля тоже, вдруг разом устремились в разные стороны и испарились за деревьями. Только и донесся до Витьки уже из глубины леса Генкин голос.

— Собираемся тут, у дороги, а если кто потеряется — кричите — а-уу!..

Он тоже по инерции вслед за ними шагнул в лес. Под одну разлапистую ель заглянул, под другую и ничего интересного пока не увидел. Показалось ему сбоку под сосной что-то похожее на гриб, а лесные грибы он только на картинках и видел, — шагнул туда и опять обманулся. Потом — еще и еще... И тут осознал Витька вдруг что продвинулся вглубь леса достаточно далеко. Он остановился и стал оглядываться. И все перемешалось сразу в голове — вокруг сплошной стеной окружали его совершенно одинаковые, огромные деревья. Совершенно отчетливо он осознал, что не запомнил пути, по которому добрался сюда, а это означает, что заблудился он.

Витька вспомнил наказ Генки, несколько раз прокричал Э-э-эй... ау... ау-ау-у-у... — вроде бы и громко кричал, но ответа не услышал. Он только сейчас обратил внимание, что лес шумит как-то угрожающе. Что-то паническое тут же возникло у него в голове, Витька вмиг забыл, что в лес-то пришел, чтобы грибы собирать, все перебило страстное желание — немедленно отыскать путь назад и вернуться к дороге.

Разыгралось воображение, и вспомнил Витька, что в лесу ведь могут и звери водиться, волк, например, а может даже — и медведь. А у него в руках-то из оружия — перочинный ножичек всего. И от мыслей таких ноги сами собой едва не рванули из-под него, чтобы бежать и бежать, куда глаза глядят, без оглядки. Просто нестерпимым было это желание, но он собрал волю в кулак и удержался. Стоял, крепко стиснув зубы, и прислушивался напряженно, как пружина натянутый, — а вдруг услышит все-таки ответный человеческий голос. Слух обострился у Витьки неимоверно, и жаждала душа выделить из монотонного лесного гула деревьев необычный, особый спасительный звук. И скоро он услышал этот звук, глухой и едва различимый, и сразу же определил, что его может издавать только проезжающая по дороге автомашина. Именно такой звук в вечерней тишине гулко разносился по селу с

асфальтовой трассы Алма-Ата — Ташкент, за лесопосадками вдоль его окраин проложенной. По его представлению, дорога находилась совсем в другой стороне, но Витька поверил звуку и заторопился, побежал в сторону его. Он уже растворился, исчез, этот звук, а Витька все бежал и бежал, уворачиваясь от веток, казалось — долго, а на деле, — пробежал-то всего метров двести. И буквально вывалился из леса, — прямо на спасительную дорогу. Увидел небо вверху, и сразу — отлегло от сердца.

Он присел на корточки, отдышался и твердо решил для себя, что больше никуда не пойдет, останется на месте и здесь дождется братьев. Ведь не могут же они забыть про него, оставить и бросить. Нет, не могут, особенно — Генка...

Время тянулось очень медленно, и как ни высматривал Витька, никто на дороге не появлялся. И все равно, Витька успокоился и даже заскучал. И чтобы как-то скрасить время, решил наудачу поискать грибов здесь, прямо у дороги. Он зафиксировал в голове дорожный ориентир и заглядывая под каждое дерево углубился в лес метров на пятьдесят, потом — вернулся к дороге обратно. Так и ходил туда-сюда, наверное, целый час. И все-таки нашел он и срезал целых четыре гриба, — таких, какие видел на картинке в школьном учебнике. Только все равно отличались

они от картиночных. Те были красивые на вид, а эти, хоть и похожие, и тоже, бурые по цвету, но какие-то мясистые, масляные и липкие. Витьке очень хотелось верить, что это — съедобные грибы, но все равно он сомневался очень.

А потом, ватагой из леса, как черти из табакерки, выскочили Генка с Левкой и сестра.

— Ну вот, я так и знал, что он испугается леса и будет торчать на дороге — пробурчал Левка, а Генка щелкнул его по голове и сказал: — радуйся, что нашелся... И видно было, что очень он переживал за Витьку.

Между тем, Лиля заглянула в Витькину корзину, увидела его грибы и тоже, одернула Левку: — где же ты видел, чтобы на дороге грибы росли? А он, хоть немного, но собрал! Да еще, настоящих — «белых»!

Какие же они белые, в мыслях не согласился Витька. Вот те, которые он дома в горах собирал, вот те — действительно, белые. Но возражать и доказывать Лилину неправоту не стал. Очень уж был он рад, что все они, наконец, нашлись.

В корзинках у братьев и сестры, таких как у Витьки, грибов было много — видно были они мастера по грибным делам, и он тоже, порадовался их успеху.

Потом, дома, когда тетя Дуся эти грибы помыла, расчистила и пожарила на сковородке, да

еще — с картошкой, — уплетал Витька диковинное блюдо за обе щеки, и все удивлялся про себя. Как такое может быть — совсем неопрятные на вид, эти лесные грибы, а такие вкусные...

Глава 10. Домой

Июль заканчивался, и наступила пора возвращаться Витьке обратно домой в свою Бурно-Октябрьку. Он вспомнил об этом сам, сказал тете Дусе и она с ним согласилась. Вот только посетовала опять, что так и не увидел Витька Москвы-столицы. Сам же Витька от этого нисколько не расстраивался. Не увидел — и ладно. А вот то, что он почти за целый месяц ни разу в речке не искупался — вот это для него, действительно, упущение серьезное. Вспомнив свою речку Терс, почувствовал он сразу, что, так хочется домой — ну, прямо невмоготу.

И что за лето такое в этом Волоколамске? Вроде и греет солнце, а купаться, совсем не тянет. Да и Лама эта — не речка, а один смех!

Ну, ничего, уже совсем скоро доберется он до дома и полностью наверстает упущенное. Впереди у Витьки целый август, и еще почти весь сентябрь. Нанярется, с запасом на всю зиму — «от пуза...»

Тетя Дуся выбрала время, опять повела его по магазинам, и как Витька ни кочевряжился, и не

отнекивался — купила ему две новые рубашки, а еще — настоящие кеды китайские, которые стоили аж целых четыре рубля! Положила ему в торбу разной еды на дорогу. Притащила откуда-то маленький чемоданчик и заполнила его конфетами, каких в Бурно-Октябрьке и не видал никто, а еще — подарками разными, для его младших братьев и Лильки — сестры. Сказала, что Витька повезет этот чемоданчик с собой.

Витька поморщился недовольно, а куда деваться? Лично ему в дорогу, кроме книги про Белого клыка, которую он так и не успел дочитать, больше ничего и не надо. Так в ней еще и рассказов про «Белое безмолвие» — целая куча!!! Но разве можно тетю Дусю послушаться...

Ранним утром выехали они из Волоколамска, а потому, что Витька всю дорогу дремал, быстро как-то добрались до Москвы. И все-таки, одно чудо настоящее Витька в Москве увидел. Он побывал в метро! Сначала спустился с тетей Дусей под землю на какую-то станцию, а потом заскочили они на движущуюся без остановки лестницу — эскалатор, и та спускала и спускала их вниз к подземным поездам. Витька наступил ногами сразу на две ступеньки и все думал о том, что если одна из них вдруг провалится, то он сможет устоять на эскалаторе, хотя бы одной ногой и спастись. А совсем недалеко, точно на таком же эскалаторе

тоже ехали люди, только он поднимал их наверх, к выходу из метро. И та лестница, на которой Витька спускался вниз, и та, которая поднималась вверх, были полностью заполнены людьми. Некоторые из них видимо спешили очень, так они еще и шагали по ступенькам кто вниз, а кто — вверх, все целые и невредимые. И глядя на них, Витька перестал бояться, что ступенька под ним провалится — ведь не самый же он тяжелый во всем метро, на самом деле.

Людей было много и на остановках и в поездах-электричках. Среди них Витька увидел даже негров, но кроме него на их черноту никто даже внимания не обращал. Витька очень боялся затеряться в толпе, упустить из виду тетю Дусю и заблудиться. К счастью, этого не случилось. Между тем, царившая вокруг спешка и суматоха, совсем не помешала его глазам увидеть и оценить торжественное и праздничное убранство станций и помещений этого огромного московского подземного царства. Витька ничего подобного не ожидал и по настоящему в душе восхитился окружившим его великолепием.

Тетя Дуся торопилась. Они вошли в поезд, внутри которого постоянно горел свет. Поезд быстро разогнался и с завывающим гудением помчал их неведомо куда по подземному тоннелю. Бесполезно было смотреть в окно, потому что

мелькала за ним сплошная кромешная темнота. Потом они несколько раз выходили на перрон, пересаживались в другой поезд и опять мчались куда-то в темноту. Витька полностью потерял ориентировку. Наконец тетя Дуся опять привела его к эскалатору, и под наклоненными красивыми сводами метро, эта чудо-машина как будто внутри огромной широкой норы, покатила их наверх к выходу.

Потом из метро они выбрались на свет, на огромную площадь и Витька увидев солнце над головой, вздохнул облегченно. Что ни говори, хоть и красотища, потрясающая в этом метро, а на земле, на свежем воздухе все равно лучше!

Место, где они вышли из метро, оказалось Казанским вокзалом. Тетя Дуся поставила вещи на скамейку, усадила рядом с ними Витьку, строго наказала ему никуда не отлучаться и ушла покупать билет. А Витька сидел, оглядывался, рассматривал все вокруг — и все продолжал запоминать и запоминать «настоящую» Москву.

Тетя Дуся вернулась с билетом, начала прощаться и напутствовать Витьку. Говорила, что он совсем взрослый и ничего страшного в том нет, что домой в поезде поедет один. Главное, на остановках никуда не выходить, а когда подъедет поезд к дому, проводница об этом известит его и поможет с поезда сойти. Витька слушал тетю Дусю

вполуха — он по-прежнему впитывал в себя Москву: — вокзал низенький, огромный по площади, узорами архитектурными украшенный, и на теремок из сказки похожий; толкотню московскую; запахи городские; гудки трамваев и троллейбусов... Вроде все запомнил. Теперь, чтобы не скучать, ему уже не терпелось сесть поскорее в поезд, и тронуться в путь. И почему-то он был уверен, что вот куда-куда, а по дороге домой он точно не заблудится.

Потом, когда подошел поезд, и до его отправления оставалось совсем немного, тетя Дуся долго разговаривала с проводницей, прошла вместе с ним в вагон, разложила вещи, и расправила на полке постель. Витька обрадовался, что место его оказалось опять верхним. Времени уже не было и Тете Дусе пора было выходить. Она прижала Витьку к себе, чмокнула в щеку, повторила, что все у Витьки будет хорошо, и не оборачиваясь, пошла из вагона к выходу. Витька через окошко увидел её снова на перроне, и тут поезд тронулся. Тетя Дуся тоже успела увидеть Витьку и прощально замахала рукой. Сжалось внезапно у Витьки сердце — он отчетливо разглядел, что опять тетя Дуся не удержалась и плакала. Потом, она стала быстро удаляться и совсем исчезла из вида.

В поезде Витька как улегся на полку, так и не слезал с неё почти. Так, изредка лишь, чтобы в

туалет сходить и размять кости немного. И еще несколько раз его зазывала к себе проводница, угощала печеньем и поила горячим чаем. А сам Витька ничего из того, что тетя Дуся приготовила в дорогу, почти и не ел. Стеснялся людей, которые ехали рядом с ним и жили на нижних полках.

Было жарко, а он читал свою замечательную книгу и вместе с её героями замерзал при семидесяти градусах мороза среди белого безмолвия на Аляске, когда волею случая снег, упавший с ели, загасил у путешественника, начавшийся было, разгораться костер, и нечем было бедолаге потом снова разжечь его. Продавал замороженные яйца, и удивлялся вместе с героями, что все они — протухшие. Прятал золото в стволе ружья, а когда, забыв об этом, сам же герой из него выстрелил и погиб на месте — совсем не жалко ему было этого героя. И конечно же, от всей души радовался Витька за Белого клыка, который преодолев все мучения обрел все-таки спокойную жизнь у благородного хозяина.

И еще — спал много Витька под убаюкивающий стук колес. Короче, — не заметил, как пролетели двое суток, и вот уже проводница предупредила, что скоро ему надо выходить.

Витька собрал свои пожитки — торбу и чемоданчик, присел на свободное место у окошка, и стал ожидать, когда поезд начнет останавливаться.

Он ждал и ждал, а поезд долго еще пробирался среди тех самых снежных гор, которые Витька в своем селе видел лишь издали и не успел еще до них добраться. Поезд то карабкался на подъем, то спускался вниз и все время изгибался то влево, то вправо жалобно при этом скрежеща колесами о рельсы. Горы проплывали как раз перед окошком, в которое Витька смотрел. Они были совсем близко, круто уходили вверх, сплошной глыбой, и ничего кроме их склонов видно не было.

Наконец, почувствовал Витька, что поезд резко замедлил ход и начал противно визжать тормозами. Тут же появилась проводница, подхватила торопясь Витькин чемоданчик и позвала за собой. И пока Витька пробирался по вагону к выходу поезд дернулся несколько раз и окончательно остановился.

Проводница нервничала. Она выскочила из вагона, помогла спрыгнуть Витьке и тут же тревожно начала вглядываться в людей оказавшихся рядом с их вагоном. Витька тоже стал озираться по сторонам, он совсем не узнавал местности и вдруг увидел... — Весфриду?!! Это была его родная тетка — младшая сестра отца. И что она тут делает? — подумал Витька, и сразу же догадался — так это же она за ним приехала!

Местность, в которой его Весфрида встречала, оказалась совсем не Бурное, а станция Тюлькубас.

Поезд здесь стоял целых пять минут, а не две минуты как в Бурном. Вот она и приехала сюда, чтобы успеть отыскать Витьку в поезде наверняка. Проводница поняла, что Витька родной для Весфриды человек, и с облегчением отпустила его. И пока Весфрида радовалась, что Витька так легко нашелся — поезд тронулся. Тетка лишь успела крикнуть проводнице вдогонку — спасибо, что довезли...

— Никто меня не довозил, тут же возразил Витька — я спокойно сам приехал! Ему не хотелось выглядеть беспомощным перед Весфридой. Вообще-то он думал, что его встретит Лиля, или отец, но увидев Весфриду, тоже обрадовался.

Все взрослые звали её просто — Фридой и только Лиля с Витькой и младшие братья его, добавляли к имени приставку «Вес...». Что это означало, не задумывались они особенно, знали лишь, что так звучит её имя по-немецки. Весфрида жила одна в доме неподалеку, была властной и любила командовать. Она была практически членом их большой семьи, и во всем старалась отцу с матерью помогать.

А еще ни у кого на улице не было велосипеда, а у Весфриды — был! И назывался он «Прогресс». Тетка очень дорожила велосипедом, и только Витьке позволяла брать его. Он раньше всех на улице научился кататься, сначала «под рамой», а

потом — «на раме», и оставалось ему совсем немного подрасти, чтобы доставать наконец «до сидушки». Пацаны на улице завидовали ему, а он давал им поучиться, только тайком, потому что, узнав об этом, Весфрида ругалась, так как очень боялась, что сломает ей эта шантрапа велосипед, и грозилась больше Витьке велосипед не давать.

От Тюлькубаса до Бурного надо было проехать аж пятьдесят километров на автобусе, и пока автобуса не было, Весфрида потащила Витьку на базар. Он находился недалеко от вокзала. И чего на этом базаре только не было! У Витьки разбежались глаза, и он моментально почувствовал, что очень голоден и даже не помнит, когда по-настоящему в поезде кушал. Пил чай с проводницей и все... А Весфрида сказала, что здесь в Тюлькубасе фрукты гораздо дешевле чем в Бурном стала торговаться и много купила яблок, груш, а еще — тоже уже созревших слив. И заставила Витьку пробовать все это и кушать. Витька набросился с голодухи и не заметил, как заглотал и яблоко, и грушу, несколько слив, а еще и урюк в придачу. Солнце светило вовсю — горячее, жаркое, — не то, что в Волоколамске! Витька с удовольствием почувствовал, что даже кости у него внутри разогрелись, и разомлел совсем. А тут и пора подошла, на автобус садиться.

Пассажиров было мало, водитель подождал

немного, вырулил на дорогу и покатил автобус вниз. Очень уж извилистым оказался этот горный серпантин. На поворотах Витьку по инерции бросало то на стенку автобуса, то на Весфриду. Она приказала ему крепче держаться за спинку переднего сиденья. И проехали то они совсем мало еще, а Витьке от болтанки стало так жарко, что он весь взмок от пота как-то сразу. И даже подумать, что сейчас ему станет плохо, не успел. Тошнота подступила мгновенно, только сжалось что-то внутри и Витьку вырвало. Он только и успел инстинктивно подставить ладошки, и они тут же наполнились всем тем, что совсем еще недавно он с таким удовольствием уплетал на базаре. Его отбросило в сторону на очередном повороте. Надсадный спазм выворачивал все изнутри, а там ничего уже и не было, кроме липкой тягучей ужасно кислой слюны. Опешившая от неожиданности Весфрида уже кричала истошно на весь автобус водителю — стой!!! Стой-же, тормози! — тебе говорят!!!..

Автобус затормозил так резко, что содержимое ладошек вывалилось Витьке на штаны. И было ему так плохо, что он даже не стал задумываться — а что о нем подумают пассажиры вокруг. Весфрида не испугалась совсем и не стала брезговать. Руками сгребла остатки побывавших в желудке груш и яблок с Витькиных штанов и

поспешила на выход. Витька, держа перед собой ладошки, так как будто что-то драгоценное было в них, и все еще ощущая противную парализующую душу тошноту, последовал за теткой вслед.

К счастью, сбоку в кювете оказался арык с водой. Тетка тут же взяла Витьку в оборот, заставила его наклониться над водой, и пока он возился со своими руками полоская их в воде, насильно умыла ему лицо. Он попытался слабо сопротивляться — делая вид, что и сам справился бы, — а она уже плеснула ему водой на штаны и зачищала руками запачканные места.

Потом Витька сам уже, снова склонившись над арыком, все зачерпывал и зачерпывал чистую прохладную влагу, полоскал и полоскал лицо, шею и рот, до тех пор, пока не растворилась и перестала ощущаться, наконец, внутри противная кислотность. Они возились у воды, а автобус стоял за поворотом и терпеливо ждал.

Витька был потрясен случившимся. Он уже полностью пришел в себя и готов был идти до дома хоть пешком, но только бы не ехать опять на этом автобусе. Весфрида тоже сильно напугалась, хоть вида и не показывала, и все-таки уговорила его вернуться, пообещав, что автобус будет ехать медленно, что серпантин совсем скоро закончится, и они выберутся на Ташкентскую трассу, которая ровная из себя вся и на ней никого никогда не

укачивает. В конце концов, Витька сам не понял, как пересилил себя и согласился. И опять как по дороге в Волоколамск никто из пассажиров не смеялся над ним и пальцем на него никто не показывал. Лишь некоторые смотрели сочувственно и вдыхали.

А Весфрида не дала ему больше сидеть на сиденье. Поставила его прямо перед передним стеклом, рядом с водителем и сказала, чтобы смотрел он только на дорогу впереди и ни в коем случае не вертел головой по сторонам. Витьке куда деваться — он послушался. И действительно, больше Витьку ничто не напрягало и ему понравилось даже что он стоит вот так, видит набегающий на автобус асфальт, каждую кочку и выбоину на нем, заранее угадывает, куда вильнет водитель, и кажется ему, что это сам он управляет автобусом. Больше до самого Бурного позорных конфузов с Витькой не случилось, и он успокоился окончательно. А Вефрида перестраховалась на всякий случай. Когда они в Бурном пересели на их родной автобус до Бурно-Октябрьки, Витька тоже стоял у переднего окна рядом с водителем и мысленно вместе с ним этим автобусом управлял.

Потом, когда от автобуса они шагали по Бурно-Октябрьке пешком, Весфрида не сдержалась и съехидничала.

— Ну что летчик? И как же ты будешь на

самолете «мертвые петли» крутить?...

Она знала, что Витька просто бредит самолетами. И если бы представила, как больно, в самое сердце уколола она Витьку сейчас — вряд ли произнесла бы эти слова. Витька сжался весь как от удара, и чуть не заплакал от жалости к себе и несправедливости произошедшего с ним. Пока еще он совсем не мог представить, как вообще сможет жить теперь без своей всепоглощающей мечты о небе. Чуть позже он узнает, что есть такая штука в организме человека, как вестибулярный аппарат, которая отвечает за ориентирование в пространстве, начнет этот самый аппарат тренировать, займется спортивной гимнастикой и добьется в спорте неплохих результатов. Летчиком не станет, но будет летать на самолетах много, и при этом не будет испытывать дискомфорта. Но все это будет потом. Сейчас же — после теткинских слов не было на свете более несчастного человека, чем Витька. Но ненадолго. Он увидел уже двор своего дома, и тут же, все неприятности разом вылетели из головы, и все перебила радость, что вот, наконец, он и дома!

А дома Витьку уже ждали. Обступили со всех сторон пацаны и так глядели на него, как будто сто лет не видели. Очень вкусно пахло во дворе потому, что мама пекла крепели. Она обняла торопливо

Витьку и тут же бросилась к сковороде, потому что крепели могли пригореть. А потом, пока колготились вокруг него младшие братья, оборачивалась на Витьку все время, и видел Витька, как блестят от счастья её глаза.

Все закончилось как сон, и зажил Витька снова привычной «беззаботной» жизнью. Траву полный мешок накосить и принести; огород полить; двор подмести. А еще — купаться, в казаки-разбойники играть до темноты, — забросить майки и рубашки всякие куда подальше и загорать, загорать бесконечно. Потому что когда увидели его дружки на улице в первый раз после приезда — удивились очень. Все допытывались — а не заболел ли он? И действительно, по сравнению с ними был он белый весь из себя — прямо как — во время зимы. А еще спрашивали они Витьку про Москву и Витька все им рассказывал. Вот только про то, как чуть в тюрьму его не посадили, он так и не поделился ни с кем. Даже с Шуркой — закадычным его дружком. И о том, как плохо было ему в автобусе — тоже молчал как рыба. Дружки — они у него такие — узнают, засмеют ведь...

Ноябрь — декабрь 2013 года.

УЛАНБЕЛЬ

Глава 1. Испытать себя...

Шел 1967 год. Витька как-то разом, вдруг, почувствовал себя взрослым. Совершенно неожиданно для себя осознал, что пришло время, и наступил момент, когда он может самостоятельно изменить сложившийся размеренный ритм жизни. Принять решение о своей дальнейшей судьбе, и может быть, даже круто изменить её. А что? Ему стукнуло уже пятнадцать лет, он окончил восемь классов. В подтверждение этого, лежит дома Свидетельство об образовании. Неплохое Свидетельство, пестреют в котором сплошные четверки и даже — одна пятерка. Правда — по пению. С таким документом, в котором за каждой оценкой по изученной дисциплине лежат твердые уверенные знания, он может спокойно поступить в Техникум, приобрести в нем, очень даже может быть, неплохую профессию, а заодно — и полное среднее образование, и начать самостоятельную жизнь. Вот как!

Некоторые ребята из его класса так и собрались поступать, правда — в основном те, — которые не очень хорошо учились. Кто в техникум, а кто и в профтехучилище. Но у Витьки-то, ни одной тройки в Свидетельстве нет. И учеба легко

дается. Витька заикнулся, было, дома — а может быть... Отец и слушать не стал.

— Еще чего выдумал! Учись, пока есть такая возможность — при доме. Учись сын!..

Но самое главное даже не в этом. Все профессии, которые для Витьки хорошими являются, и в первую очередь — профессия летчика, профессия военного человека, требуют все-таки как минимум, среднего образования. А это значит, что не надо «гнать лошадей» и на техникумы размениваться. Подсказывает разум, что правильнее всего будет — продолжить учебу в девятом классе, а там — и в десятом.

В своем решении Витька впрочем, совсем не оригинал. Подавляющее число его одноклассников тоже так решили. Все — да не все. Витька прикинул, и чувствует: поредеют ряды. И после каникул из двух бывших полновесных восьмых классов сформирован будет один, общий и для «А-шников» и для «Б-эшников» девятый класс.

Сложным в целом, оказался восьмой класс — впервые экзамены настоящие пришлось сдавать Витьке, — да целых четыре! Он переживал, конечно, но особенно все равно не перетрудился. И, конечно же, ждал с нетерпением — ну скорее бы отмучиться! Скорее закончился бы уже этот учебный год. Ждал, ждал... А он — раз, и все равно внезапно как-то — взял и закончился. И такая

свобода навалилась вдруг разом. Гуляй — не хочу.

Витька и погулял. День, два — неделю. А потом, ну не то чтобы заскучал, а неудобство какое-то почувствовал. Назойливое гнетущее неудобство. И понятно в чем дело. Ведь взрослый он — совсем почти взрослый. И отсюда следует, что не может он просто так проболтаться все лето без дела — до сентября.

Домашняя повседневная работа — это уже совсем несерьезно для Витьки. Вот бы ему на настоящую работу устроиться, чтобы самому денег хоть немного заработать. Родителям помочь. Вот только куда устроиться? Для Витьки неважно — в колхоз или в совхоз...

Но совсем непросто с устройством на работу у несовершеннолетних на селе. На всякие разные несерьезные приработки — по типу — подай-поднеси, где квалификации особой не требуется претендентов и без Витьки много. А чтобы на настоящую, серьезную — так тут и вовсе думать нечего...

И все-таки есть у Витьки задумка. Она почти нереальная, но есть! А Витька если замыслит что по настоящему — очень упрямым и напористым становится.

Один из уличных дружков Витьки — Володька Зеель в прошлом году занимался действительно серьезной работой. Он ездил летом в

Уланбель и заготовливал там грубые корма. Много интересного рассказывал. Уланбель этот находится в песках Муюнкумах, пересекает которую река, под названием — Чу. Вот в долине этой реки и работал Володька. А грубые корма — это молодой камыш, который растет на её берегах.

Очень непростые погодные условия в этом Уланбеле. Под изнуряющей жарой испытывал Володька свою мужественность и силу воли. Многие из тех, которые с ним поехали, — говорил, — не выдержали, даже несколько дней, и сбежали. А Володька весь сезон отработал, вытерпел. Володька убежден, что всякий нормальный пацан должен пройти подобное испытание. И мнение его для Витьки авторитетно.

Витька загорелся. И хотя он моложе Володьки на целых два года, но тоже, уже чувствует себя сильным. Очень хочет испытать себя Витька. Чувствует — наступил момент.

Дело в том, что каждое лето почти уезжает работать в Уланбель Витькин отец. Вот и сейчас, собирается на несколько месяцев. Колхоз именно ему поручил организовать в Уланбеле заготовку грубых кормов. Весь световой день пропадает отец на работе. Вплотную подготовкой экспедиции занимается. Витька уловил момент и прилип к отцу как банный лист — возьми меня с собой и все!

Отец отмахивался сначала, — дома матери

помогай, не дорос ты еще до такой работы. Тяжела она очень и для взрослого мужика. Выносливости требует. Это тебе совсем не игрушки, Витя... Вот, может быть, на следующий год...

А Витька, оттого, что его отец как будто бы, слабым считает, — бычится и только упорнее становится. И есть ему, чем возразить отцу.

— Ага-а, тяжелая! А что — в прошлое лето, когда я во время хлебоуборки копнильщиком на комбайне работал, — это не тяжелая работа была? Жара! В ночные смены молотит и молотит комбайн — пока росой пшеница не покроется! Грязь, пыль такая, что даже очки и респиратор не спасали! И дышать нечем... А сколько соломы вилами в этом копнителе руками своими я раскидал? Сколько утрамбовал её! Это что, легко?... И разве жаловался я кому-нибудь?...

Витька правду говорит, сущую правду. Отцу нечем возразить сыну на эту правду, и он постепенно смягчает.

— Ладно, посмотрим...

Витьке мало этого «посмотрим» и он настырностью своей подпирает все-таки отца «к стенке» окончательно, и тот сдается.

— А что? — пожалуй, работа на сенокосилке для тебя подойдет... Ладно, готовься... Так и быть — возьму в бригаду.

Витька тут же, радостью, с дружкой своим

Шуркой поделился. Шурка — младший брат Володьки Зееля, ровесник Витьки, и вместе они — не разлей вода. Так вот, — разве может Шурка отстать от Витьки? Он тоже решил испытать себя. Подгадал момент, когда отец дома находился, и с тем же что и Витька пристал к отцу.

— Дядя Вася, — возьмите меня тоже...

Отец хмурился сначала. Но он же знает, что Витька без этого Шурки — никуда! Да и на вид, Шурка покрепче, чем его сын, выглядит... Если Витьке можно на сенокосилке работать, то Шурке и подавно. А Витька сгоряча опять ультиматумы ставит: не поедет он без Шурки и все! Куда деваться, — пообещал отец Витькиному другу, что тоже возьмет его с собой. Вот только пусть у родителей отпросится.

Тетю Эрну с дядей Володи, вместе, Витьке с Шуркой уломать, — тоже проблема большая, но тут Володя, брат Шуркин подключился.

— Пускай, пускай едут! Посмотрим, как бы, не сбежали на третий день...

Сам Володька — совсем взрослым стал. Он окончил десятый класс с пятерками и всего лишь с одной четверкой в Аттестате, а сейчас готовится к поступлению в институт. К мнению Володи родители прислушались, тем более, что сам Володька уже побывал в Уланбеле. И как-то быстро согласились отпустить Шурку.

Радости друзей предела не было!

Время шло, вот уже и июнь скоро закончится, а отец конкретного срока отъезда все не называл. Витька изнывал от неопределенности и ожидания. А тут еще Шурка теревит.

— Когда? Когда...

И вот, наконец, разбудил Витьку отец утром рано и сообщил:

— Все, — приготовьтесь! Сегодня выезжаем. Ждите. Заеду за вами...

И ушел...

Весь день Витька с Шуркой были как на иголках. Чего собираться-то? Ну, полотенце, мыло взять с собой. Куртку да фуражку. А так, из одежды — в чем есть, в том и поедем. Все остальное, что для работы нужно, там, на работе и выдадут. Ну, еще, из еды на дорогу что-то взять с собой. Вот и все сборы. На все про все и часа не потребуется.

Отец сказал, что раньше обеда не приедет. Давно уже пролетело время обеда, конец рабочего времени наступил, а отца все нет и нет. Шурка устал ждать, ушел домой разочарованный. А Витька застрял, и никак не может себя заставить уйти с улицы. Сидит на краю арыка, полощет ноги в прохладной воде и все поглядывает в начало улицы — когда же появится машина отца. Когда?... И точат Витьку изнутри дурные подозрения и

обида, и отчаяние. Неужели обманул его отец... Как он мог?!..

Солнце совсем уже склонилось к закату. Еще часика два и ночь наступит на дворе. И все стремительнее гасит разрастающаяся обида Витькино ожидание. Больно Витьке, очень больно, и хорошо, что хоть Шурка ушел домой. Что вот он сейчас тоже об отце Витькином думает?

Он заставил себя подняться, понуро пошел к дому во двор и тут, издали, от начала улицы услышал вдруг долгожданный нарастающий шум мотора. Рванул назад и увидел: — точно, машина! Машина его отца! Не обманул папка, не обманул!!! Поедут они с Шуркой в Уланбель!

Глава 2. Ночная охота

Оказывается, основной отряд с людьми и техникой давно уже отправился в путь, и только отец улаживал в колхозе последние дела, и вот теперь, заехал домой попрощаться и захватить с собой все, что приготовила им с Витькой в дорогу мама. А заодно — и своих горе-работников — Витьку с Шуркой. Отец приехал на грузовой автомашине марки ГАЗ-51. Сам же на ней был и шофером. Он припозднился, завершая последние приготовления. Но сказал, что это к лучшему. Почти совсем угасла июльская летняя жара, а

потому, и ехать будет приятнее.

Кузов автомашины был почти полностью загружен. Мешки с продуктами, утварь всякая. А еще, сзади кузова, в углу привязанные к борту лежали покорно три живых барана. Витька догадался, что они предназначены на мясо для супов, которыми бригада будет в Уланбеле питаться. И тут же возникло у Витьки острое чувство жалости к ним, и чтобы погасить эту жалость, он изо всех сил старался в их сторону не смотреть.

А впереди кузова, сразу за кабиной, толстой массой лежала огромная брезентовая палатка. Вот на ней Витька с Шуркой и устроили себе удобное лежбище. Отец сказал, чтобы они не особо высывались из кузова, а то, придерется еще милиция... В кабине, рядом с отцом, сидел седой лохматый старик. Он оказался поваром, и когда ребята познакомились с ним, назвался странным именем — дед Баран...

На сборы дома ушло совсем немного времени. Наконец, отец сел за руль, и машина тронулась с места. Друзья сначала крутили головами и оглядывались по сторонам, но местность вокруг была им хорошо знакома, и скоро наскучила. Тогда они улеглись на спину, подложили под голову мешки с постельными принадлежностями и стали наблюдать за тускнеющими облаками на небе. И

хотя машина ехала довольно быстро, облака пучками висели в воздухе и казались совсем неподвижными. Потом машина стала петлять по серпантину перевала Куюк. Витька с Шуркой оживились — горы всегда притягивали и вызывали к себе особый интерес. Ну а потом, за перевалом, стало быстро темнеть, и они опять устремили свои взоры на небо и стали ловить загорающиеся звезды.

Город Джамбул проезжали в двенадцатом часу ночи. Некоторое время красиво нависали с боков и светились огнями из окон многоэтажные дома. Огней было много и казалось, в городе никто не собирается спать. Празднично, красиво выглядел ночной город, и вдруг, как-то сразу, исчезли многоэтажные дома, и огней стало значительно меньше тут же начала подступать с боков сплошная темнота. Сразу за городом отец съехал с асфальта на грейдерную дорогу и поехал в северном направлении. Ему надо было добраться до какого-то Акжара, в котором должна была ожидать их ранее отправившаяся в путь бригада. Стало совсем темно вокруг, резко похолодало. Витька с Шуркой набросили на себя одеяло и сразу уснули.

И будто бы снов никаких не успел еще Витька увидеть, как тут же разбудил его монотонный голос отца. Витька высунулся из-под одеяла и огляделся. Машина стояла с включенными фарами на окраине какого-то села. По бокам в свете фар тускло

отражались несколько домов, а впереди высвечивалась полоса узкой слабо укатанной дороги уходящей в степь, в сплошную темень.

— Это и есть тот самый Акжар — сообразил Витька.

Рядом с машиной фырчал малыми оборотами колесный трактор МТЗ-50 с кабиной. Отец с трактористом стояли в стороне и тихо разговаривали. Витька прислушался к разговору. Оказалось, что сразу за Акжаром начинались сплошные пески и по полевой тропе, но зато самой короткой к Уланбелю, им предстоит продолжить свой путь. Бригада, чтобы не терять зря время, продолжила движение, а тракториста оставила, чтобы он на своем тракторе дождался и сопровождал машину отца. Тропа в песках ненадежная, может быть засыпана песчаными переметаи. И возможно, машину из-за её слабой проходимости, придется брать на буксир.

Отец увидел, что Витька высунулся из-за борта кузова и не спит, и вдруг, обратился к нему с неожиданным, удивительным и очень заманчивым предложением, от которого остатки сна у Витьки хоть была уже вокруг самая настоящая ночь, улетучились мгновенно.

— Слушай, Витя, — сейчас на пути всякая живность начнет попадаться. Пострелять из ружья не хочешь?

У Витьки отвисла челюсть от неожиданности, сладкое волнение подкатило к горлу, но он справился с собой и тут же, согласился. Отец покопался в бардачке, протянул Витьке два патрона и предостерег.

— Только смотри-и-и... будь осторожен...

Дело в том, что с некоторых пор появилось у них в доме ружье. Отец, когда уезжал в длительные командировки, обычно брал его с собой. Говорил, что там, куда он ездит, можно охотиться на всяких птиц и даже зверей — волков и диких кабанов. Вот только отцовских охотничьих трофеев Витька никогда не видел.

Патроны у отца, несколько заводских пачек, заряженных дробью, хранились дома на встроенной в стену полке под самым потолком. Отец думал, что никто туда не доберется, а Витька — мог. А еще было несколько случаев, когда отец вытаскивал из своей полки-укрытия капсули, пыжи, дробинки из свинца различных размеров и самостоятельно заряжал бумажные гильзы. Патроны были шестнадцатого калибра, а свинцовый шарик картечи таким большим, что одна картечина только в гильзу и помещалась.

— Это на кабана! — говорил отец важным торжественным голосом.

Все младшие братья Витьки крутились возле отца, когда он занимался этим интересным делом, а

Витька ему даже и помогал.

Обычно ружье, огромное, с длинным стволом и практически, совсем новое мирно лежало скрытое из глаз в спальняй комнате за сундуком. Наказ отца — не брать его, — строго соблюдался братьями Витьки, и только он один все-таки не утерпел, и пару раз брал ружье украдкой, когда дома никого не было, и стрелял из него в воздух. Теоретически он знал как нужно обращаться с ружьем, сделал все правильно и при выстрелах даже не получил сильной отдачи от приклада в плечо. Отец, конечно же, узнал о Витькином самовольстве, но почему-то сильно его не ругал.

А однажды вся семья наяву убедилась в убойной силе отцовского ружья.

В воскресный день маме понадобилось зарубить к обеду курицу, чтобы приготовить из неё суп с лапшой. Обычно она делала это сама, а тут занята была сильно чем-то и попросила отца принять грех по отъему из тела куриной души на себя. А ведь знала, что отец-«охотник» не выносит на корню вида крови. Он, конечно же, отказался. Мама видно была «не в духе» и отказ отца помочь по хозяйству, маму сильно взбесил. И понеслась на весь двор рассерженная её брань типа — какой же ты мужик?! Так...тряпка!.. И долго не унималась мама на этот раз.

Двор небольшой, в доме тоже, все слышно.

Некуда отцу деваться, а тут — все сыновья обвинения в мужской его несостоятельности слышат... Какой мужик вытерпит такое...

Он и не вытерпел. Схватил ружье, вставил патрон в ствол и с перекошенным от ярости лицом, что-то выкрикивая, выскочил во двор, держа его наперевес. Мама обомлела с перепуга, застыла на месте и начала выть по-бабьи. Витька и все кто был во дворе, тоже замерли там, где находились, от неожиданности.

Отец ни на кого не обращал внимания. Взгляд его лихорадочно рыскал по огороду. И вот, метрах в сорока, на грядках обнаружил отец петуха, красивого петушиной своей статью, с ярко красным гребешком, свесившимся набок с макушки головы. Петух мирно скреб лапой землю, ничего не подозревая. Навскидку отец направил ствол в сторону попавшейся под руку потенциальной птичьей жертвы и, не прицеливаясь, выстрелил. И вот это — да-а-а!!! Ребята чуть не попадали от изумления. Петух, молча, подпрыгнул в высоту на целый метр и свалился мертвым в картофельную ботву!

— Иди — подбирай свою курицу! — торжествующе крикнул в сторону матери отец и вернулся с дымящимся ружьем в дом.

Мама не знала, что и говорить. Плакать или смеяться? Ей было жалко петуха. Петух был самый

боевой из подрастающей петушиной молодежи, и в нем настоятельно нуждалось дворовое куриное стадо. Но и злиться на отца тоже она уже не могла. Отец просто шокировал своим совершенно непредсказуемым поступком и вызвал невольное к себе уважение. Он ведь очень рисковал и в случае промаха, что было весьма вероятным, просто выставил бы себя на посмешище. И подумать страшно — мог уронить авторитет в глазах у своих же детей. К счастью, этого не случилось.

А Витька сразу после выстрела бросился к петуху, не веря в душе, что тот действительно мертв, и хотя из его неподвижной тушки даже кровь не текла, — не было видно крови, — убедился воочию, что петух убит был наповал.

Мама бросила все дела, и пока петух был ещё теплым, начала поспешно его ощипывать. А потом, сварила из него суп. И как это всегда получалось у мамы, суп оказался очень наваристым и вкусным. Всей оравой дружно набросились ребята на еду. Вот только кушать убитого отцом петуха было совершенно неудобно. То и дело на зуб попадали мелкие дробинки, которыми мясо было буквально нашпиговано. Мама с досады и вовсе прекратила кушать петушатину, но выразить открыто недовольство не решалась.

А отец был очень доволен. Шутил, смеялся, добродушно подтрунивал над мамой и все

повторял:

— Ну что? — получила...

Он знал, что такой меткий, просто снайперский выстрел, ни у кого не может вызвать никаких иных чувств, кроме восхищения. И у мамы, хоть и виду она старалась не подавать, — тоже...

А младшим братьям все нипочем. Очень скоро исчез «петух» из большой чашки на столе — только его и видели. И даже соревновались пацаны между собой — кто больше дробинок выплюнет.

И вот, сейчас, разрешил и Витьке отец поохотиться, и может быть, из ружья какого-нибудь зверя убить. Витька достал из отцовского мешка ружьё, зарядил его, осторожно положил сбоку, и когда машина тронулась с места и устремилась в пески, стал всматриваться пристально в освещаемое по ходу движения впереди таинственное пространство, выискивая достойную выстрела цель.

Шурка пристроился рядом и очень уж хотел поохотиться первым. Витька уступил. Один из двух патронов, а значит и выстрел, по праву принадлежал Шурке.

Дорога была довольно ровной, мягко бежала по ней машина. Шурка взял ружье в руки, уперся грудью в кабину автомобиля, удобно расположил на её крыше согнутую в локте руку с зажатым в ладони цевьем, взвел курок, приложился к нему

пальцем второй руки и приготовился стрелять во все движущееся впереди автомашины. Во все, что появится в свете её ярко освещающих местность фар, разве что, кроме тушканчиков. Оба они, и Витька, и Шурка, зорко смотрели в четыре глаза на рождающуюся во тьме стремительно набегающую, вздрагивающую и подпрыгивающую дорожку, но пока, — правда, все чаще и чаще, — попадались на ней только тушканчики. Их вырывали вместе с дорогой из темноты фары. Ослепленные светом, они едва успевали отпрыгивать в стороны от шумно накатывающейся на их жизненное исконное пространство, и все под себя подминающей, огромной, завывающей оборотами двигателя, железной громадины.

И вдруг, из темноты, прямо на ярко освещенную колею выскочил крупный заяц и ослепленный, задал стрекача впереди автомашины, как будто соревнуясь с ней в скорости бега. Он стремительно и очень красиво прыгал, никуда не сворачивая, весь отчетливо видный и представлял собой отличную мишень.

— Стреляй!.. Стреляй!!! — закричал Витька. И тут же раздался выстрел. Шурка пальнул как по команде, не раздумывая, просто — в пространство. Заяц резко рванул в сторону, вырвался из световой полосы и исчез в темноте.

— Эх! Промазал! Охотничий азарт Витьки,

молниеносно возникший, также молниеносно потерпел полное фиаско. И почему-то казалось ему, что вот если бы он стрелял, то непременно попал бы, не промахнулся. Ведь заяц был так близко, так близко, всего — метрах в десяти...

А Шурке что? Шурка был доволен. Ему вообще триста лет было до этого несчастного зайца. Он впервые в жизни держал в руках заряженное ружье и впервые выстрелил из него. Интерес Шурки был полностью удовлетворен. Он сделал вид, что специально промахнулся.

— А чего стрелять в этого зайца? Жалко ведь! Пусть живет...

Витьке было не жалко. Это — пока! Пока не он, а друг его стрелял...

Он взял у Шурки ружье, перезарядил его своим патроном и приготовился охотиться сам.

На пути следования начали встречаться песчаные перемены. Машина подминала их под себя и врезавшись в вязкий песок резко теряла скорость. Колеса её начинали пробуксовывать, но инерции движения пока хватало, чтобы преодолеть препятствие. Потом, опять — набор скорости, уверенное движение по ровной, накатанной колее и опять, — очередной песчаный занос. Все дальше и дальше пробиралась машина вглубь песков. И все чаще и чаще выхватывали фары встревоженных звуком мотора и ошалевших от слепящего света,

степных зайцев.

Они, едва заметные, появлялись сбоку из темноты, обгоняли автомашину, потом, как мотыльки на свет, выскакивали во всей красе на ярко освещенную колею, и резко прибавив скорости, ведомые светом, энергичными рывками уносились вперед. И видно срабатывало что-то в их голове, ибо через какое-то время отпрыгивали резко они в сторону и опять исчезали в темноте. И пока неслись они изо всех сил перед машиной, иногда, довольно долго, вырисовывались в свете, — ну, просто отличной мишенью.

Для опытного охотника — может быть! Но не для Витьки. Он пытался несколько раз взять на мушку испуганное животное, но спустить курок так и не решился. Постоянно отвлекал его внимание второй, а то и — третий заяц, выскочивший на свет и как будто на подмогу присоединявшийся к Витькиной «мишени».

А то ловил себя Витька на мысли, что очень уж красив этот заячий полуполет и тогда захлестывали Витьку одновременно и восторг и жалость. Ну не мог никак заставить он себя — погубить эту красоту.

А потом, сам себе нашел и оправдание собственной нерешительности. Ладно, убьет он, допустим, зайца, но машина ведь сразу не остановится. И останется лежать добыча, там —

далеко сзади, в темноте. И разве из-за какого-то зайца остановит отец движение, чтобы рыскать в поисках его в темноте, неизвестно еще, — толи убитого, толи — раненного. Ведь чувствуется, — торопится он и все не может никак догнать свою вырвавшуюся вперед бригаду. Нет, лучше побережет Витька патрон для более надежных условий охоты.

Он осторожно спустил курок, извлек из ствола патрон и аккуратно отложил ружье в сторону. Какое-то время еще вместе с Шуркой любовались они заячьим переполохом, а потом их все-таки сморил сон и на этот раз, укутавшись в одеяло, практически мгновенно, разом, заснули друзья и провалились в никуда.

Глава 3. Заячье царство

Проснулся Витька от тишины. Было светло и солнце поднялось уже довольно высоко. Стараясь не разбудить Шурку, он выполз из-под одеяла и огляделся. Отцовская машина стояла на ровной площадке, а вокруг сплошь возвышались холмы из песка. Они волнами, как будто накатывались один на другой и уходили в бесконечное пространство. Какое-то подобие редкой, серой, похожей на колючки растительности покрывало те, которые находились поблизости. А еще, странные корявые,

без листьев, как будто бы засохшие, торчали прямо из песка небольшие деревья. Саксаулы — догадался Витька.

Так вот откуда отец изредка привозил этот саксаул домой! Мало, совсем мало — две-три твердых как камень, сморщенных невероятно изогнутых суковатых палки. Оказывается, саксаул запрещено было рубить. И в Джамбуле, если бы милиция обнаружила этот саксаул в кузове — то могла создать отцу серьезные неприятности. Мама знала об этом, но все равно, каждый раз, провожая отца в командировку, просила:

— Хоть бы саксаула привез, что ли...

Очень уж много жара выделял саксаул в печке. Всего два-три маленьких поленочка и угля почти не надо. Но чаще всего служил саксаул для мамы чудесной растопкой. И если приезжал отец без саксаула — мама обижалась...

Рядом на площадке стояли два гусеничных трактора. К одному, совсем новому, раскрашенному в ярко-желтый и синий цвет, прицеплена была четырехколесная тракторная тележка. Ко второму — аж два прицепа. Витька хорошо разбирался в тракторах. Первый был — ДТ-75, а второй — ДТ-54. Чуть поодаль синели краской два колесных «белоруса» — МТЗ-80 и МТЗ-82. За вторым тоже прицеплена была тележка.

Первый же — МТЗ-80 был налегке. Это он

сопровождал машину, чтобы не застряла она, во время езды минувшей ночью. Все четыре прицепа были под завязку загружены. Витька разглядел колеса полу разобранных сенокосилок, пресс-подборщик, несколько двухсотлитровых железных бочек, деревянные доски и разные другие железяки. Догнал все-таки отец свою бригаду — решил Витька.

За одним из прицепов стояли кружком люди и о чем-то разговаривали. Витька и прислушаться не успел, как услышал откуда-то сбоку голос отца:

— Что, проснулись? Ну, давайте-ка быстро сюда. Завтракать!

Витька оглянулся на голос и увидел на противоположной стороне площадки две казахские юрты. Отец стоял у входа в одну из них и призывно махал рукой.

— Вставай, засоня! Витька сдернул с Шурки одеяло и спрыгнул с кузова машины на песок. Невдалеке увидел прямо на полу стоящее, узкое, с высокими бортами и очень длинное деревянное корыто заполненное водой. У изголовья корыта из песка торчала обыкновенная водозаборная колонка. Из неё и качали воду хозяева в корыто, которое вероятно было водопоем для скота. Витька понял, что место, где они сейчас находятся, и есть та самая стоянка чабанов, о которой упоминал в разговоре за Акжаром, отец.

Подтянулся Шурка. Они с удовольствием умылись тепловатой и очень чистой водой, и побежали к юртам.

Настоящую юрту Витька тоже видел впервые. Основу её составлял решетчатый деревянный каркас, на который сплошным полотном уложен был войлок-кошма, зацепленный для надежности вокруг каркаса веревками. Юрта внутри была просторной. Ближе к середине стоял низенький деревянный столик с очень короткими ножками. На противоположной стороне от входа в юрту бросался в глаза большой, украшенный железными полосами, сундук, на котором двумя горками уложены были подушки разных размеров. Витька удивился, что подушек много и даже пересчитал их. Насчитал целых пятнадцать штук! Пол юрты тоже полностью был покрыт кошмой и в стороне на полу Витька увидел еще несколько подушек. Казалось, именно подушки составляют главное богатство для чабанов.

— Ага! Казахи сидят на полу, когда кушают, и наверное, эти подушки подкладывают под себя, или сбоку, вместо табуреток, чтобы удобнее было — так решил Витька. А им с Шуркой никаких подушек и не надо совсем. Они уселись возле столика прямо на кошму, подтянули под себя босые ноги и с удовольствием запивали баурсаки чаем, который молча, подавала им молодая казашка. Чай